

Владимир Лосев

Охотник за демонами

Владимир Лосев

Охотник за демонами

Серия «Охотник за демонами», книга 1

OCR BiblioNet

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=119438

Лосев В.И. Охотник за демонами: Фантастический роман: АРМАДА:

«Издательство Альфа-книга»; Москва; 2004

ISBN 5-93556-369-X

Аннотация

Людской мир на краю гибели. Его атакуют демоны. Но только те, кто несет в себе демонскую кровь, способны противостоять силе демона. Они собираются в монастыре охотников за демонами и учатся сражаться с врагами человечества. Врон – тоже полукровка, он – не такой, как все. Сородичи приговорили его к смерти, но судьба благосклонна к нему, и он оказывается в монастыре...

Содержание

ЧАСТЬ I	4
ГЛАВА ПЕРВАЯ	4
ГЛАВА ВТОРАЯ	42
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	67
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	115
Конец ознакомительного фрагмента.	151

Владимир Лосев

Охотник за демонами

ЧАСТЬ I

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Не доверяй шепоту ветра, потому что он скрывает другие звуки. Не доверяй черноте ночи, потому что она прячет силуэт врага. Не доверяй самому себе, потому что мы все ошибаемся.

Не доверяй своему другу, потому что он такой же полукровка, как и ты.

Мы все меняемся, и все меняется вокруг. Сегодня мы уже не те, что вчера, и все вокруг уже совсем другое.

И только нам по-прежнему кажется, что все осталось точно таким же, как было прежде, а на самом деле камень – это уже совсем другой камень, небо – это уже другое небо.

И твой друг и напарник тоже стал другим, как и ты сам, не забывай про полнолуние, про время, когда приходит беда...

Наш монастырь был основан Рисом Мудрым сразу после того, как он стал королем и издал указ о

преследовании полукровок. Мы не знаем точно, почему он это сделал: действия монархов часто зависят от их окружения.

Итак, он подписал указ, по которому все, кто несет в себе кровь демонов, должны быть умерщвлены огнем или осиновым колом, но почему-то тут же издает тайный указ о создании монастыря охотников за демонами.

И в этом указе он предписывает, что охотником имеет право стать только тот, кто несет в себе странность, кто имеет отличие от людей – внутреннее или внешнее.

Конечно, в его решении видна логика; всех полукровок по его первому указу начинают преследовать, и единственный шанс остаться для них в живых – это оказаться в монастыре охотников.

Из книг монастыря охотников за демонами.

Рядом с ним скользнула серая прозрачная тень, едва не коснувшись его, и он почувствовал легкие, но довольно болезненные уколы на своем лице.

Он испуганно оглянулся. Теней в долине стало гораздо больше, и сейчас они стремились друг к другу, объединяясь в маленькие стайки. Когда их собиралось много, они теряли свою прозрачность, становясь черными, образуя клочья тьмы в вечернем прозрачном воздухе.

Он знал, что, когда все клочки тьмы, которые возникали

по всей долине, соединятся вместе, из них родится пожиратель душ.

Врон взглянул на серое небо, затянутое тучами, надеясь увидеть в них хоть маленький просвет, а в нем краешек солнца. Но вечер уже давно переходил в ночь, и в просветах было видно только серое небо.

Врон вздохнул. Когда первые лучи солнца снова упадут на скалы, окружающие долину, его уже не будет, а пожиратель душ исчезнет до следующей ночи, разбившись вновь на множество теней. Тени снова расползутся по долине, прячась в щели и трещины скал, чтобы пережить знойный и солнечный день.

Горы, окружающие долину, были круты и неприступны, и еще ни один человек не смог взобраться на них.

Единственный выход из проклятой долины вел в его родное селение, а там, на крутом склоне стояли стражи, вооруженные луками и копьями, которым приказано убить его, если он попытается вернуться.

Врон опять вздохнул и на всякий случай осмотрел свои карманы, – вдруг у него найдется что-то, что поможет ему пережить предстоящую ночь, но в карманах был только кусок черствого хлеба и осколок кремня.

Вот если бы он смог разжечь огонь...

Свет костра отпугнул бы пожирателя душ: всем известно, как он боится света. Но в этой долине не было ни единого дерева и ни одной травинки. На каменистой почве долины

ничего не росло и не могло расти, потому что любой росток, который бы здесь появился, в первую же ночь стал бы добычей пожирателя душ. Та же участь ожидала и мелких животных, которые иногда сюда забредали, и птиц, которые решились здесь заночевать.

Врон в очередной раз медленно двинулся вдоль скал, все еще надеясь увидеть какой-нибудь уступ, на который он смог бы взобраться, или пещеру, в которой он мог бы переждать ночь, завалив вход камнями, продолжая мучительно размышлять о том, почему именно он оказался в этой проклятой долине.

Как получилось, что гадалка показала на него? Что она увидела в нем – в обычном пареньке, который ничем не отличался от своих сверстников?

Никто никогда не замечал в нем ни большого ума, ни силы, ни уж тем более какого-то света. Он не сомневался в том, что гадалка ошиблась. Что просто ему не повезло, потому что в этот день у старухи было плохое настроение.

И надо же ему было попасться ей на глаза...

Но откуда он мог знать, что лучше держаться в этот день от нее подальше?

Он всегда спокойно проходил мимо гадалки, когда она сидела на деревенской площади на деревянном чурбачке и шмыгала своим остреньким носиком, словно принюхиваясь. И, похоже, в этот день она что-то унюхала.

Как она сказала, наставив на него свою костлявую руку?

Не сказала, завопила во весь голос:

– В нем свет!

Какой свет? Он что, сияет в темноте, как луна или звезды? Или может гореть, как факел? Или она решила, что он – это солнце?

Что вообразила себе выжившая из ума старуха, разглядывая его маленькими темными глазками?

Никто из жителей деревни не замечал в нем ничего странного за всю его недолгую жизнь, ничего из того, что могло привести его в проклятую долину...

И почему он не убрался оттуда сразу, когда старушонка забилась в припадке, а стоял, разинув рот, пока сбежавшиеся на его же крик люди приводили ее в чувство?..

И достоялся же до того, что она, придя в себя, снова наставила на него свой костлявый палец и крикнула уже при всех:

– Он проклят! Отдайте его пожирателю душ, пока тот сам не пришел за ним...

И даже тогда он мог спастись, убежать из деревни. Врон знал немало мест, где можно было спрятаться и жить достаточно долго – охотник он неплохой и вполне смог бы прокормить себя в лесу.

Но нет, он побрел домой, по дороге уже забыв о том, что случилось.

И незачем теперь удивляться тому, что отец сам отдал его стражам, опасаясь за репутацию сестры, матери и себя само-

го. Правда, надо признать, что и стражи не заставили себя долго ждать и появились сразу, как только он вошел в родной дом...

И теперь уже ничего не исправить. Ему осталось только дожждаться, когда все тени соберутся вместе и появившийся из них пожиратель душ высосет из него душу, а потом и соки из его тела.

Врон выругался и испуганно оглянулся назад – теней прибавилось, как и тьмы.

Совсем недолго осталось ждать, пока родится пожиратель душ, и тогда уже ничто его не спасет. Наутро в деревню принесут его высохший труп, как всегда приносили высохшие мумии тех, кого палками и копьями загоняли сюда вечером...

Врон потер бок, куда ткнул его тупым концом копья страж.

... Мумии всех, кроме Риса Мудрого, так гласят предания.

Он был единственный, кто сумел остаться живым после того, как провел в проклятой долине ночь, а потом, объединив вокруг себя земли жесткой и справедливой рукой, стал королем и долго правил королевством горных долин.

Впрочем, тогда еще не было закона, по которому тех, кто обладал хоть каким-то внутренним или внешним уродством, отправляли в эту долину.

Рис Мудрый сам и придумал этот закон, когда стал коро-

лем, а до этого все было совсем иначе.

Тогда людям, которые отличались каким-нибудь уродством, давали возможность жить, считая их уродство проявлением благосклонности бога, и это было правильно. Потому что от потомства таких людей и появились кланы предсказателей. Гадалка сама из этого клана, а значит, тоже несет в себе уродство своих предков. Только теперь она решает, кто должен встретиться с пожирателем душ, а кто может жить дальше.

И придумал это все Рис Мудрый...

Интересно, почему он это сделал? Он же сам едва выжил после того, как побывал в долине. Правда, это было так давно, что подробностей никто не помнит. Может быть, тогда пожиратель душ не был так силен, как сейчас?

Это же с правления Риса Мудрого его стали подкармливать душами тех, кто хоть чем-то отличался от остальных. И даже он сам похоронен где-то здесь, так, по крайней мере, гласит предание.

Но если сумел выжить Рис Мудрый, значит, и у него тоже есть шанс, может быть совсем ничтожный шанс, но он есть.

А что, если еще раз попробовать поискать расщелину или уступ, на который он сумеет взобраться? Все равно делать ему нечего, кроме как дожидаться неминуемой смерти.

Врон взглянул на небо. Тучи стали расходиться, в просвете он увидел первую звезду, все говорило о том, что времени у него осталось совсем мало. Тени в центре долины уже

сплелись в огромный шар тьмы, но пожиратель душ пока еще не родился. Может быть, ему не хватало всего нескольких теней, бродящих где-то по долине...

Врон вновь зашагал вдоль неприступных скал, окаймляющих долину, – они вздымались высоко вверх, упираясь в темное небо.

Он все еще надеялся увидеть какую-нибудь расщелину или несколько уступов, по которым он смог бы подняться хотя бы на десяток метров вверх.

Вряд ли пожиратель душ способен летать или лазить по скалам. Жаль, что никто не знает, на что он способен, – все умерли, кто хоть что-то успел узнать. Все, кроме Риса Мудрого...

Возможно, если бы было немного светлее, он бы сумел что-то найти. Где тот свет, про который твердила гадалка? Сейчас он бы ему очень пригодился...

Только нет его, она ошиблась, и он теперь умрет из-за глупой ошибки выжившей из ума старухи...

Врон отпил из фляжки глоток воды и с отвращением сплюнул – даже вода в этой проклятой долине приобрела неприятно горький вкус.

Он пошел дальше, спотыкаясь о мелкие камни, которые уже были не видны в сумерках, ни на что больше не надеясь, а только потому, что терпеливо ждать смерти на одном месте он просто не мог.

... Конечно, старуха была хранителем деревни, и это был

ее долг – отыскивать тех, кто нес в себе хоть что-то отличное от других.

Но почему же она сама не ушла в долину пожирателя душ, а отправила его? Уж она-то точно непохожа на других. Может, как раз в ней и есть этот свет, который она узрела своими подслеповатыми глазами?

Врон снова выругался.

... И зачем только Рис придумал этот закон? Уже давно нет его королевства, оно раздробилось на множество обособленных поселений, прочно забыто все, что когда-то составляло его славу, а он должен умереть за то, что давно уже всеми забыто...

Врон вздохнул и оглянулся: огромный шар, сотканный из теней и тьмы, то вздымался на несколько метров вверх, то снова опускался вниз.

Еще нет, пожиратель еще не родился, это только безмозглые тени...

Вокруг совсем стемнело. Может быть, потому, что темный шар впитывал в себя свет, или оттого, что небо окончательно затянуло тучами, и свет ни одной звезды больше не проникал в долину.

Врон обошел долину уже несколько раз, но продолжал идти, хоть и понимал всю бессмысленность этого кружения. Еще никому не удалось уйти из этой долины живым, никому, кроме Риса Мудрого...

Но Рис пришел в эту долину днем, когда светило яркое

солнце, так гласит предание, а покинул ее на следующий день ранним утром. А он, Врон, был приведен сюда уже в сумерках, когда солнце скрылось за тучами.

У Риса для поисков укрытия был наполненный светом день, а у него было только несколько коротких часов, потому что все хотели, чтобы он оказался в долине как можно быстрее, даже его отец и обе его сестры.

Это они громче всех кричали и плевали в него, когда его вели по широкой улице, и все это делали только для того, чтобы ни у кого в мыслях не возникло, что они ему сочувствуют...

Врон споткнулся и упал, ударившись о камень, так что у него даже искры посыпались из глаз.

– Ну вот и все, – простонал он, потирая ушибленное колено. – Теперь я даже бежать не смогу, а на одной ноге от пожирателя душ далеко не ускачешь.

Он перевернулся на бок и увидел, как темный шар бесшумно заскользил по долине.

Пожиратель душ наконец-то родился и почуял пищу.

И, конечно, он ее найдет – вот она лежит и стонет от невыносимой боли...

Врон осторожно потрогал колено, оно уже распухало. Теперь он прикован к этой плите и здесь же и встретит свою смерть. Проклятая долина, проклятая каменная плита...

Плита? Но откуда здесь эта плита? Здесь не должно быть ничего, кроме камня и пыли. Но вот он лежит на ровной и

плоской плите, припорошенной мелким щебнем...

Откуда она здесь? Никто в здравом уме не будет просто так платить каменотесам за то, чтобы они изготовили плиту, и уж тем более за то, чтобы притащить ее в Проклятую долину...

Если она прикрывает, то что? Могилу Риса, а может, что-то еще? Может быть, это и есть его спасение?

Он залез в карман, дрожащей от возбуждения рукой вытащил кресало и высек искру о камень – искра погасла слишком быстро, он ничего не успел увидеть. Тогда Врон выхватил нож и провел им по кресалу – длинный сноп искр позволил ему увидеть на плите какое-то углубление.

Он вложил свою ладонь туда, пытаясь нащупать там кольцо, или рычаг, но там не было ничего, кроме мелкого щебня и пыли.

У него даже слезы брызнули от огорчения и отчаяния, он перевернулся на спину и выругался. Ну почему он сразу не пошел сюда, пока еще был хоть какой-то свет, а просидел целую вечность на камне?

И что он может увидеть и понять сейчас, когда вокруг так темно, что даже пожиратель душ кажется только еще одним темным пятном?

Он попытался встать, но тут же снова сел на землю от дикой боли в распухшем колене.

И тут, то ли от его неудачной попытки, то ли оттого, что он занял какое-то нужное положение, плита повернулась боком,

словно была закреплена на шарнирах, и он полетел куда-то вниз.

Это было настолько неожиданно, что он не успел перевернуться при падении и ударился спиной обо что-то твердое, так что у него потемнело в глазах, и он потерял сознание.

Сколько он находился в беспомощности, Врон не знал, но, когда он открыл глаза, на него падал луч солнечного света. Плита, вставшая ребром после его падения, открывала синее небо и краешек солнца. Там, вверху уже было утро.

Его тело терзала жуткая боль, он не мог пошевелить ни рукой, ни ногой, даже веки были налиты тяжестью, а из пересохшего горла вырывался какой-то животный испуганный вой.

Врон попробовал вдохнуть в себя воздух, но его грудную клетку сдавило так, что он вообще не мог какое-то время дышать. Он сделал еще какое-то судорожное движение и снова потерял сознание, успев перед этим отстраненно подумать: «Уже утро, а я все еще жив...»

На этот раз он очнулся оттого, что солнце светило прямо в глаза. Тело по-прежнему ему не подчинялось, во рту пересохло, и мучительно хотелось пить. Он попытался дотянуться до фляги, висевшей на поясе, но не смог пошевелить даже пальцем.

– Должно быть, я повредил позвоночник, – пробормотал Врон и попробовал повернуть голову, чтобы все-таки понять, куда он попал. После нескольких неудачных попыток

и приступа невыносимой боли в ребрах ему это удалось.

Он лежал на спине. Яма, в которую он провалился, была не очень большой – всего лишь маленькая комната, выкопанная в земле и обложенная каменными плитами. Он лежал на твердом каменном полу, рядом с ним в стене была неглубокая ниша в половину человеческого роста.

Что в ней находилось, он не мог рассмотреть, потому что ему никак не удавалось приподнять голову. Но зато Врон отчетливо увидел, как около стены, в самом темном месте пещеры, висел в воздухе, не касаясь пола, огромный шар мрака – он то распадался на серые скользящие тени, то снова собирался в единый пульсирующий комок.

– Пожиратель душ, ты пришел за мной, – прошептал Врон. – Теперь ждешь вечера, чтобы собраться с силами и заняться мной... Может быть, тебе повезет, и я еще буду жив, но особо на это не надейся, похоже, что я долго не протяну...

Боль стала более терпимой, а может, он просто с ней свыкся, но она никуда не исчезла, а по-прежнему жила в каждой клетке его тела. Он снова с болезненным стоном вернул голову в прежнее положение и стал смотреть на краешек солнца, думая о том, что это последнее, что он видит в своей жизни.

Внезапно появившаяся тяжесть в груди заставила его судорожно вдохнуть сухой воздух, наполненный пылью и запахом тления, – он закашлялся, его тело конвульсивно содрогнулось, и он снова потерял сознание.

На этот раз он очнулся оттого, что слышал звук. Он при-

слушался: определенно он что-то слышал, если только это был не его же собственный стон. Но звук повторился— он услышал шаги, перестук мелких осыпающихся камней, потом мужской крик:

– Ну, и куда же он подевался?

Это был голос Грота. Врон не любил этого стража: по неизвестной ему причине он не нравился Гроту с самого детства, и тот всегда считал нужным при встрече дать ему подзатыльник или оплеуху.

Врон не мог ему ответить тем же, потому что Грот был выше его на целую голову, весил несравненно больше и, кроме того, был старше на несколько лет.

Его старый обидчик больше всех радовался, когда гадалка указала на него. И, вероятно, теплое место стража стало ему еще милее после того, как он ударил его несколько раз копьём, когда его вели сюда, и даже не скрывал, что каждый удар доставляет ему огромное удовольствие.

– Его нигде нет, – ответил Гроту Слип. Этого стража Врон почти не знал, он появился в селении совсем недавно, о нем говорили, что до этого он служил у одного из благородных в городе, но что-то там у него не сложилось, и Слип вернулся обратно в селение, туда, где он родился и где все еще жила его мать, старая согбенная старушка.

Эти двое стражей сами вызвались отвести его в проклятую долину, а потом встали на ночное дежурство. Похоже, что они оба ненавидели его, хоть Врон и не понимал за что.

«Впрочем, – подумал он, – сейчас-то мне какая разница, кто меня ненавидит, а кто нет? Я лежу в проклятой долине в яме с переломанным позвоночником и очень скоро умру. Все это меня уже не касается, все уже в прошлом, в далеком прошлом...»

– Он не мог никуда исчезнуть, он должен быть здесь, – снова услышал он голос Грота. Голос раздавался где-то совсем рядом, почти над самой головой Врона. – Из этой долины нет другого выхода, если только этот ублюдок не отрастил себе крылья и не смог улететь.

– Взобраться на эти скалы не смог бы даже кривонос, хоть у него и есть присоски на пальцах, но, когда скала крутая, как здесь, срывается и он, я видел такое несколько раз. – Это заговорил Слип, он был уже совсем близко. – Спрятаться тоже негде, вся долина как на ладони: нет ни одного куста, ни одного крупного камня, а расщелины мы с тобой все осмотрели.

– Если мы не принесем его тело, у нас могут быть неприятности, – ответил Грот, его голос уже звучал прямо над головой. Врон сделал над собой усилие и открыл глаза, ожидая, что сейчас Грот наконец заметит вставшую на ребро плиту и заглянет вниз.

Но сам он уже ничего не увидел: вокруг него было сумрачно, просвета над головой не было, и солнечный свет больше не падал вниз – похоже, что плита перевернулась сама собой, заняв свое прежнее положение. Врон услышал, а может, по-

чувствовал, что Грот стоит прямо над его головой, на самой плите.

– Нас ожидает только одна неприятность, – проворчал Слип. – Сегодня ночью мы снова будем торчать на тропинке и ожидать этого мальчика, а завтра сюда на поиски тела придет все селение, потому что никто не поверит, что его здесь нет.

– Мы уже бродим здесь полдня, – отозвался Грот. – И уже в десятый раз проходим по этому месту. Нет его, хоть тресни, а куда он мог деться, я не знаю. Солнце уже начинает опускаться, нам надо уходить отсюда, если мы сами не хотим попасть на ужин пожирателю душ.

– Докладывать будешь ты.

– Почему это я? – запротестовал Грот. – Вместе дежурили, вместе и доложим.

Врон попытался издать хоть какой-то звук, но тщетно. У него ничего не получилось, его рот не открывался, он даже не смог облизать пересохшие губы.

– Они решат, что мы спали на дежурстве и упустили его.

– А изгородь, а собаки? Если бы он сумел проскользнуть мимо нас, они бы подняли такой лай, что вся деревня бы проснулась.

– Нам не поверят, – угрюмо пробурчал Грот. – И выгонят из стражей только за то, что этот ублюдок где-то сумел здесь спрятаться.

– От нас-то он мог спрятаться, а от пожирателя душ?

– Не поверят...

– И что ты предлагаешь? Остаться здесь на ночь? – Грот коротко хохотнул.

– Ну уж нет! Пусть завтра сюда приходят лучшие охотники и ищут его следы, а мы с тобой пойдем наверх к костру.

– Тут я с тобой согласен, пусть сами разбираются, – ответил Слип. – Пошли, а то уже есть охота, считай за целый день крошки во рту не было. Проклятый мальчонка! Это он нарочно сделал, знал же, что мы с тобой будем дежурить этой ночью. Сейчас лежит где-нибудь в какой-нибудь расщелине, которую мы с тобой не заметили, уже высохшей мумией, а мы из-за него страдаем...

– Пошли быстрее, – проворчал Грот. – У меня от этой долины мурашки по всему телу. Солнце уже вот-вот спрячется за гору, еще немного, и тени начнут свой танец.

Врон услышал, как шаги удаляются, и почувствовал, как слеза скатилась по его щеке.

Это было все, что он сейчас мог, – только плакать...

Почему-то, несмотря на то что плита закрыла небо, в яме не было темно, слабый мерцающий свет распространялся откуда-то сбоку, освещая каменную плиту над головой.

Врон скосил глаза и увидел, что это светится пожиратель душ. В этом плотном шаре, сотканном из тьмы, роились синеватые искры, источавшие этот мягкий свет.

Врон грустно усмехнулся, точнее, попытался это сделать.

«Ты так же заперт здесь, как и я, но у тебя, по крайней мере, есть еда, – подумал он. – А у меня нет ничего, даже

надежды».

Словно в ответ на его мысли от шара скользнула к нему тень и повисла над его лицом, от нее по всему телу прокатилась резкими уколами боль, а вслед за тенью и сам пожиратель душ двинулся к нему.

Врон горестно вздохнул и потерял сознание, но на этот раз он этому даже обрадовался: по крайней мере, он не почувствует боли, когда пожиратель душ будет высасывать соки из его тела.

Скоро он очнулся и в очередной раз удивился тому, что все еще жив и способен чувствовать боль. Она изменилась и стала другой, гораздо более резкой и мучительной, ее очаг находился в поврежденном позвоночнике, и оттуда она расходилась по всему телу пронзительными импульсами. Скоро он понял, что есть еще один источник боли, который терзал кожу, грудь и лицо.

Врон простонал, точнее попытался, потому что его пересохшее горло не было способно издавать звуков, и открыл воспаленные, слезящиеся глаза.

Синеватые искры мелькали прямо перед его глазами, он лежал прямо в теле пожирателя душ, если это темное пространство можно было назвать телом. Искры впивались в него, вызывая все новую и новую боль, и эта боль становилась с каждым мгновением все более нестерпимой.

Врон не мог кричать и стонать, не мог отползти от пожирателя, потому что ни одна мышца тела ему не подчинялась,

и он почему-то не мог больше терять сознание и должен был как-то терпеть эту непрекращающуюся муку.

Единственное, что пока ему еще удавалось делать, это открывать и закрывать глаза, но скоро и эти мышцы отказались его слушаться.

Теперь он лежал в полной темноте и только мог различать едва слышное гудение, исходящее от пожирателя душ, и потрескивание синеватых искр.

Искры проникали в его тело, вызывая жжение и боль. Врон ощущал все свои нервы, ткани, мышцы, каждую свою косточку.

И это было бы по-своему любопытно и интересно, если бы не сопровождалось болью, но Врон понимал, что и боль тоже необходима, потому что она несет в себе знание.

... Только зачем это знание умирающему?

Время растянулось до бесконечности, и это было гораздо хуже смерти.

Скоро искры добрались до его головы, и перед его глазами вдруг замелькали яркие образы, с запахами, цветом, ощущениями всего тела. Он вдруг увидел все, что с ним когда-то происходило, даже то, что и не мог помнить и знать.

В какой-то момент он ощутил себя в утробе матери, услышал ее голос, биение ее сердца, ощущая каждое движение ее большого сильного тела.

А потом в глаза ему ударил резкий свет, он услышал голос акушерки и свой крик и почувствовал первую боль от холод-

ного воздуха и прикосновения жестких мозолистых рук.

Первые ощущения своего тела, которое оказалось таким мягким и не подготовленным к будущей жизни.

Время растянулось, и он от одного воспоминания к другому прожил заново свою жизнь, и в этих воспоминаниях многое понял и узнал о себе.

Оказывается, он слышал и чувствовал гораздо больше, чем осознавал. Многие скользило мимо сознания, но все равно оставалось в его памяти, и именно это предопределяло его поступки, его слова и его жизнь.

И он впервые так остро ощутил себя частицей огромной планеты, несущейся в черной пустоте.

Он почувствовал далекие огромные звезды, дающие такие нужные его телу тепло и энергию, и не только ему, а всему живому, что существовало на планете, даже пожирателю душ – странному существу, которое появилось здесь бесконечно давно и неизвестно откуда.

И сам пожиратель душ был одной из форм энергии, живущей по своим законам.

И он был по-своему разумным, у него даже были простые чувства, такие как голод и желание жить. Врон не понимал его мыслей, потому что в них он тоже видел энергию, странные ее формы, перетекающие одна в другую.

Из этих бессвязных мыслей он понял, что пожиратель душ жил недолго, только короткую ночь, – а потом это существо исчезало, рассыпаясь на множество теней, его составляю-

щих, но снова возрождалось следующей ночью.

Пожиратель душ был бессмертен, как и тени, из которых он состоял, и за свою бесконечную жизнь накопил немало знания, и теперь он его использовал. И Врон каким-то образом понимал, что тот делает с ним.

Пожиратель душ не убивал его, не впитывал в себя его жизненную силу, а изменял его энергетическую структуру, выправляя энергетические потоки, струящиеся по телу, что-то добавляя, что-то убирая – то, что считал несущественным и ненужным.

Пожиратель душ каким-то образом излечил позвоночник, разбитое колено, а заодно и многое другое: убрал все шрамы, которые Врон приобрел за свою недолгую жизнь, изменил некоторые внутренние органы, улучшая их свойства.

Пожиратель душ был не доволен тем, что не смог изменить саму природу человеческого тела, его программу, его свойства и предназначение. Но многое ему все-таки удалось...

Что в нем стало другим, Врон так и не сумел понять, – это знание, которое пожиратель душ не скрывал от него, было для него недоступно, потому что оказалось слишком сложным для восприятия. Он только понял, что тот поместил в него что-то, как в живой сосуд.

Кроме того, Врон узнал, что и раньше пожиратель душ пытался переделывать людей и животных, но у него ничего не получалось, потому что они сопротивлялись его проник-

новению в себя, и тогда он с великим сожалением забирал у них ненужную, по его мнению, жизненную энергию, избавляя их от мучений, как несовершенных существ. За исключением одного...

Это был Рис Мудрый – в памяти пожирателя душ сохранилось воспоминание и об этой тоже не совсем удачной попытке.

Рис сломал ногу, упав со скалы, на которую пытался взобраться, и был без сознания, когда пожиратель душ нашел его. Он изменил его тело, но не до конца, потому что Рис в какой-то момент очнулся и смог убежать.

Пожиратель душ преследовал его, и он бы его догнал, но наступило утро, и ему пришлось рассеяться, прячась от жесткой неудобоваримой для него энергии солнца. Поэтому трансформация Риса получилась неполная, о чем пожиратель душ до сих пор сожалел.

Может быть, именно поэтому Рис, став королем, принял закон, по которому любой человек, отличающийся внешне или внутренне от других, должен был провести ночь в долине?

Возможно, он сделал это в благодарность пожирателю за то, что приобрел какие-то способности, которые позволили ему впоследствии стать королем. А может быть, просто пытался откупиться от него, боясь, что тот все равно его когда-нибудь найдет, чтобы завершить то, что начал?

И вот через много лет после смерти Риса Мудрого Врон

стал этой платой.

Только в отличие от Риса Врон совсем не мог двигаться, и пожиратель душ мог на этот раз сделать с ним все, что хотел. Они оба были спрятаны от солнца каменной плитой, времени у пожирателя душ было много, он мог не распадаться на свои тени, прятаясь от солнечных лучей, и мог не бояться, что Врон убежит.

Может быть, в этом и состоял план Риса Мудрого? Гадалка как-то обмолвилась, что тот был провидцем и что именно он собрал вокруг себя тех, кто был способен предугадывать будущее, создав клан предсказателей.

Конечно, если бы Врон мог, он бы обязательно попытался сбежать, как и Рис, хоть и не очень хорошо представлял, каким образом ему удалось бы это сделать.

Выбраться из ямы было невозможно, плита плотно перекрывала отверстие, в которое он провалился, и находилась она слишком высоко, чтобы до нее можно было дотянуться.

И кроме того, несмотря на то что пожиратель душ излечил позвоночник и колено, Врон все равно не мог двинуться, потому что тот как-то сумел заблокировать часть его нервной системы, той, что управляла двигательными функциями.

Но Врон мог дышать, хоть и не полной грудью, его сердце билось, прокачивая кровь по всему телу, у него текли слезы, и он был способен мыслить и понимать, что с ним происходит, и мог чувствовать боль. И это было особенно горько: быть запертым в своем собственном теле...

Боль понемногу становилась более терпимой, пожиратель душ отодвинулся от него, снова забиваясь в самый темный угол, и Врон провалился в тяжелый сон, наполненный кошмарами.

Скоро он проснулся, услышав голоса людей. В долине все еще продолжались его поиски, люди бродили вокруг, он слышал их шаги и голоса, но не мог дать им знать, что он находится здесь. Его голосовые связки ему не подчинялись.

Врон даже слышал голоса своих отца и матери, они тоже искали его тело, как и другие жители деревни.

Из разговоров жителей между собой он понял, что его смерть была для всех уже свершившимся фактом, а то, что его тело не было найдено, ничего не меняло. Они считали, что он просто нашел какое-то укрытие, в котором сейчас лежал высохшим безжизненным трупом.

Скоро он перестал слышать голоса, жители деревни ушли из долины, а Слива и Грота в наказание оставили еще на одну ночь дежурить у выхода. Врона это немного позабавило, но ненадолго. Пожиратель душ снова повис над ним.

На этот раз все было иначе. Тело Врона сначала затряслось мелкой дрожью от макушки до пяток, испытывая жуткий холод, доходящий до костей, потом ему стало жарко, пот выступил по всему телу, стекая со лба и заливая глаза, которые почему-то теперь никак не закрывались.

Врона это удивило: за два дня он не выпил ни глотка воды, а влаги в его теле, оказывается, осталось довольно мно-

го, если судить по тому, что он был совершенно мокрым от выступившего пота.

Потом жар исчез, и он снова почувствовал холод, идущий изнутри, кожа похолодела и покрылась пупырышками.

Затем исчезло и это ощущение, тело снова затряслось сначала мелкой дрожью, потом крупной. Ноги сами по себе, без его участия, стали сгибаться и разгибаться, а все его тело выгибалось так, что казалось, что позвоночник вот-вот не выдержит и снова сломается.

Руки дергались и подпрыгивали, пальцы сжимались и распрямлялись до треска в суставах. А потом опять нахлынула боль, она прокатилась по всему телу сверху донизу и сконцентрировалась в голове. На этот раз Врону повезло: его мозг не выдержал, и он потерял сознание.

Когда он очнулся, света в яме больше не было. Он вращал глазами, пытаясь увидеть, где находится пожиратель душ, и вдруг с удивлением сообразил, что может двинуть головой, а потом почувствовал, что и все тело снова подчиняется ему.

Врон перевернулся на живот, испытывая странное ощущение чуждости, тело слушалось его, но как-то совсем по-другому, словно ему требовалось время, чтобы понять, что же он от него хочет.

Он попробовал встать на ноги, после третьей попытки ему это удалось, и в голове сразу помутнело от слабости.

Врон стоял, покачиваясь на ватных слабых ногах, вглядываясь в темноту и привыкая к новым ощущениям в своем

теле. Темнота перед глазами стала меняться, она стала серой, потом светло-серой, и он вдруг обнаружил, что легко различает каждый камешек, каждую пылинку, каждый стык каменных плит в стене.

Еще он с удивлением понял, что пожирателя душ в яме нет.

В нише, рядом с которой он пролежал все это время, он увидел останки человеческого тела, завернутого в саван.

– Я – живой, – произнес Врон, удивленно прислушиваясь к своему голосу – голос был каким-то хриплым и невыразительным. Потом он закашлялся и долго выкашливал что-то из себя, сплевывая под ноги, затем прополоскал рот водой, которая была все так же невыносимо горькой, и снова сел на пол: он был еще слишком слаб, чтобы двигаться.

– А ты, Рис, мертв, – произнес он, со странным удовлетворением разглядывая высохшие человеческие останки. Это мог быть и не Рис, но сейчас Врону хотелось думать, что мертвое тело это и есть тот самый король, отправивший его сюда.

Он с любопытством осмотрел свое тело, чтобы увидеть те изменения, которые произвел в нем пожиратель душ, но ничего не заметил – оно было прежним, почти тем, каким он его помнил. Разница, конечно, была: он сильно похудел за эти дни, мышцы изменились, стали более жесткими, и их стало значительно меньше.

Немного отдохнув, он еще раз попробовал встать, и на

этот раз это далось ему значительно легче. Пошатываясь на нетвердых ногах, он обошел яму, вглядываясь в каждый темный угол. Он убедился, что пожирателя душ в яме не было – должно быть, тот рассыпался на тени и таким образом сумел выбраться из ямы.

Врон глубоко вдохнул в себя воздух, наполненный мелкой пылью.

– Я должен отсюда выбраться, – сказал он задумчиво. – Или я умру здесь, на этот раз от голода.

Он снова обошел яму, трогая стены – они были выложены из крупных камней, которые он вряд ли смог бы вытащить. В одном месте его рука наткнулась на мягкую сырую глину; здесь из стены выпало несколько мелких камней, и в образовавшуюся дыру посыпалась земля, сложившаяся в небольшой холмик на полу.

– Похоже, это единственный путь наружу, – сказал он. Голос его неприятным скрежетом отозвался от стен. – Мне придется копать ход на поверхность. Если мне повезет и не придавит землей, то, может быть, я сумею вылезти отсюда. – Голос его был по-прежнему хриплым и звучал как-то странно.

Врон вздохнул и, разрыхляя землю ножом, стал копать. Он до сих пор до конца не понимал, что с ним произошло, его мозг находился в каком-то блаженном оцепенении и не мог связно мыслить.

Он не чувствовал времени, голода, жажды и боли в окро-

вавленных руках – он вообще ничего не чувствовал. Иногда ему казалось, что его больше не существует и это странное согбенное существо, ожесточенно копающее землю, совсем не он, а кто-то другой.

Земля несколько раз обваливалась, почти полностью засыпая его, но он выбирался и начинал все заново. Иногда он натыкался на огромные камни и терпеливо окапывал их, чтобы пробраться дальше.

А потом, когда на него в очередной раз обвалились земля и камни, он судорожно задергал всем телом и вдруг почувствовал прохладный ночной воздух долины. Он стряхнул с себя землю и встал на твердую каменистую почву.

Светили звезды, а в середине долины колыхался темный шар пожирателя душ. Врон грустно усмехнулся и пошел к выходу из долины. Благодаря своему новому зрению он издали увидел отсвет костра высоко вверху, в скалистом проходе, и двух человек, сидящих около него.

Это были Грот и Слип, они о чем-то говорили, но сразу замолчали, услышав его шаги.

– Стой, – услышал он голос Грота. – Кто ты? Врон пожал плечами.

– Это я, – сказал он.

– Кто ты? – требовательно спросил Слип, вскидывая копье.

– Врон.

– Врон?! – воскликнул Грот. – Где ты прятался все это

время? Мы искали тебя всей деревней и не смогли найти.

– Я упал в какую-то яму, там и был все это время, – улыбнулся Врон. – И только сейчас сумел оттуда выбраться.

– И пожиратель душ не нашел тебя?

– Я жив, – опять улыбнулся Врон, ему было приятно услышать снова человеческую речь. – Пожиратель оставил мне жизнь.

– Нет, ты не Врон, – сказал Слип. – Врон мертв, а ты его призрак.

– Я жив, я не призрак, у меня есть тело. Врон вышел к свету, чтобы они могли его увидеть и убедиться, что он не прозрачен.

– Зачем ты пришел? – спросил Слип, снова поднимая копьё. – Возвращайся обратно в царство мертвых!

– Я хочу домой, – сказал Врон и неожиданно почувствовал резкую боль в плече – Слип ударил его копьём. Он недоуменно уставился на рваную рану, из которой хлынула кровь.

– Я же не сделал вам ничего плохого, – прохрипел Врон. – Почему ты ударил меня?

– Ты уже мертв, чтобы ты нам ни говорил, – прокричал Грот и ударил мечом, целясь в голову, а Слип снова проколол его насквозь копьём.

Боль прокатилась по всему телу.

«Вот беда, – подумал он отстраненно. – Сейчас я умру, эти дураки убьют меня. За что? Я же провел ночь в долине,

наказание уже свершилось».

Тут в его глазах потемнело, и он упал на колени. Грот и Слип продолжали колоть и рубить его до тех пор, пока тело не перестало конвульсивно вздрагивать и не замерло в мертвой неподвижности. Слип наклонился над ним и осторожно потыкал его копьем.

– Вот теперь он по-настоящему мертв, – сказал он, тяжело дыша. – Мы отправили его обратно к мертвецам, где он и должен быть.

– Как он напугал меня, я уже подумал, что сам пожиратель душ пришел за мной, – проворчал Грот, вытирая вспотевший лоб. – Я решил, что нам конец. Стоит весь темный и говорит: хочу домой. – Он истерично захохотал.

– Придумал же – хочу домой. А кто его там ждет, он не подумал? Кому нужны ожившие мертвецы? Тебя ждали только мы...

– Ага, – согласился Слип. – Получается, что нас не зря заставили здесь сидеть. Вот ублюдок – три дня мы искали его и не могли найти, и вот нашелся.

– Интересно, где он там прятался, что даже пожиратель душ не добрался до него? – спросил Грот, выхватив головню из костра и рассматривая тело, распластавшееся на земле.

– Это уже не важно, – ухмыльнулся Слип. – Главное, что вот он лежит, и теперь нам больше не надо здесь торчать. Утром покажем тело старосте и снова сможем заниматься тем, чем хотим.

– Может, оттащим его в долину, чтобы пожиратель душ высосал из него все соки? – спросил Грот. – Тогда нас точно никто ни в чем не обвинит.

Слип покачал головой:

– Я еще не выжил из ума, чтобы идти туда ночью. Ты, конечно, можешь идти, я не буду тебя отговаривать, но сам лучше подожду до утра.

Грот задумался.

– Может, кому-то из нас сбегать и разбудить старосту? – предложил он. – Пусть скажет, что с ним делать.

– Я не пойду, – покачал головой Слип. – Он опять на нас орать начнет, что мы будим его по разным пустякам. Мертвый малец уже никуда не уйдет и не спрячется. Подождем, полночи уже прошло, до утра осталось совсем немного.

– Ладно, – согласился Грот. – До утра так до утра. Давай перекусим, а то у меня от всего этого что-то аппетит разыгрался.

– Остался только хлеб и сыр, – сказал Слип. – Все остальное ты уже съел. – Он снова наклонился над Вроном, прислушиваясь.

– Нет, не дышит, и грудь не вздымается.

– После таких ран никто не выживет, – мрачно изрек Грот. – Я вспорол ему живот, да и руку почти отрубил – видишь, держится только на коже и сухожилиях.

– А я два раза попал ему в сердце, – похвалился Слип. – А он после этого еще что-то пытался сказать.

– Тебе показалось, – огрызнулся Грот и, еще раз опасно взглянув на мертвое тело, пошел к костру. – С такими ранами не живут.

– Не живут, – согласился Слип, сапогом перевернул Врона на спину и еще раз взгляделся в окровавленное лицо. – Но лучше лишний раз это проверить.

Он пнул тело, убедился, что оно не шевелится, и на всякий случай еще раз проткнул копьем.

– Все-таки странно, – сказал он. – Я обошел всю долину не один десяток раз и не увидел ни одного места, где бы можно было спрятаться. К тому же ему надо было что-то есть – я сам обыскивал его и знаю, что, кроме фляги с водой и ножа, у него ничего не было.

– Нож мы ему зря оставили, – заметил Грот. – Вот была бы потеха, если бы он нас этим ножом и зарезал бы.

– Я внимательно за ним следил и про нож помнил, – возразил Слип. – Поэтому сразу и ударил копьем, но он к ножу и не потянулся, словно забыл о нем. И вообще он выглядел как-то странно, на лице какая-то бессмысленная улыбка, похоже, что он не очень-то соображал, что делает.

– Я думаю, пожиратель душ все-таки добрался до него, – сказал Грот, с опаской покосившись на мертвое тело. – И он стал демоном.

– Ты так не говори, ты демонов не видел и ничего про них не знаешь, – оборвал его Слип. – Демона так просто не убьешь, у него шкура такая крепкая, что стрелы и копья от-

скакивают. Нет, он не демон и никогда им не был. Завтра утром еще раз обшарим долину, и готов поспорить, что мы найдем ту яму. про которую он говорил.

– Спорить не буду – сходим посмотрим, – примирительно сказал Грот, доставая из сумы сыр и хлеб. – Хорошо, что он на нас вышел и мы его убили, теперь, по крайней мере, в деревне перестанут говорить о том, что мы его проспали и он сбежал. Слип согласно закивал:

– На самом деле мальчишка ни в чем не виноват, это просто гадалке в нем что-то почудилось, а так он был такой же, как и все.

– А мне он никогда не нравился, – усмехнулся Грот. – Все равно он был какой-то блаженный: никогда ни с кем не дрался, хоть и не был трусом. Вроде и парень был не глупый, так, какой-то чудной...

– Что теперь о нем говорить? Нет его уже и больше никогда не будет, – ответил Слип. – Одно скажу: мертвый, он мне кажется гораздо более симпатичным, чем тогда, когда был живым.

Они поели, а потом, когда стало понемногу светать, Грот сбежал к дому старосты. Тот долго не мог. поверить, что Врон нашелся, потом, кряхтя и охая от старческих болей, стал одеваться.

Когда он пришел, вместе с ним пришла и половина деревни; люди долго рассматривали труп, трогали его, переворачивали, словно надеясь что-то в нем увидеть. Даже староста

присел на корточки, потрогал уже остывающее тело, вздохнул и сказал:

– Это и в самом деле Врон. Жалко мальчишку, ну да что тут поделаешь, мертвый – он и есть мертвый. Нужно его закопать, пока запах от него не пошел, погода стоит теплая, вон уже и мухи над ним выются...

– А где закопать-то? – спросил настороженно Грот, он уже чувствовал, что и эта работа достанется им со Слипом. – На кладбище нельзя, люди будут против. Стал бы он мумией, конечно, оттащили бы к другим, а так – тяжелый он, одни мы не справимся.

Староста вызвал из толпы несколько своих помощников, и они, отойдя в сторону, долго совещались.

– Здесь и заройте, – наконец сказал староста. – Найдите место, где земля помягче, и закопайте.

Галдящая толпа вдруг притихла и расступилась, пропуская к телу мать Врона; она долго смотрела на него, потом, заплакав, отошла в сторону.

Ни сестры убитого, ни его отец, которые пришли вслед за матерью, к трупу не приближались, а смотрели издалека; лица их были хмурыми и удивленными оттого, что Врон, который при жизни никого особо не интересовал, после смерти стал вдруг всем интересен.

Кто-то из помощников старосты притащил лопаты, и могилу, к радости Грота и Слипа, рыли всей деревней.

Тело бросили в вырытую не очень глубокую яму и заки-

дали земель. Ни один человек не решился сказать что-то хорошее о мертвом; жители деревни неуверенно топтались рядом с могилой, словно ожидая, что еще что-то произойдет. Староста недовольно покачал головой.

– Чего стоите? – спросил он. – Расходитесь по домам. Все уже. Умер Врон.

Тут на травянистом склоне появилась гадалка. Она едва тащилась на своих почти негнущихся ногах. Толпа пропустила ее, она долго смотрела на земляной холмик, потом прокричала дребезжащим голосом:

– Ну и дураки, что здесь закопали, надо было его обратно в долину отнести.

– Что сделано, то сделано, – вздохнув, сказал староста. – А ты бы еще дальше шла. Теперь никто его выкапывать не будет. Пусть здесь лежит, он никому не мешает, мы же не на кладбище его зарыли.

– То, что не на кладбище закопали, это вы правильно сделали, но все равно надо было его обратно к пожирателю душ отнести. По закону надо, чтобы пожиратель душ из него все соки высосал, нельзя его было в полном теле хоронить...

– Разницы-то никакой нет, в полном – неполном, – хмуро возразил староста. – Если бы он был высохшим, как все, мы бы его тоже здесь закопали.

– В том-то все и дело, что он не высох, не стал его пожиратель душ есть, сбежал Врон от него, – вздохнула гадалка. – Это плохо, очень плохо, будет беда.

– Какая беда? – возмутился Слип. – Что ты бормочешь, старая карга? Он мертвый, мертвее не бывает, а высохший или невысохший – разницы особой нет. Мы и место нашли, где он от пожирателя прячется. Яму, стервец, выкопал и там сидел, а когда решил, что мы его уже больше искать не будем, тогда и вылез.

– Яму-то хорошо смотрели? – спросил староста.

– А что ее смотреть? – огрызнулся Грот. – Земля разворочена, и все, мы землю обратно притоптали, да еще большой камень сверху положили, чтобы никто другой в следующий раз там не спрятался.

– Может, вы еще и расскажете, как и чем он в этой яме дышал? – ехидно спросила гадалка. – Или, может, вы думаете, что пожиратель душ его бы в этой яме не нашел? Неправильно это все, неправильно. Надо бы мне эту яму самой поглядеть. Отнесите меня туда, сама я не дойду, далеко очень, да и спуск в долину крутой.

– Кто же тебя потащит? – усмехнулся Слип. – Мы с Гротом целую ночь не спали, ждали его. И мы выродка этого убили, как и положено по закону. Мы все сделали как надо, а теперь спать пойдем. Пусть тебя кто-то другой тащит, а в наши обязанности это не входит.

Староста задумчиво подергал свою маленькую седую бородку.

– Нечего тебе там делать, гадалка, – сказал он. – Место это проклятое, а яма – она и есть яма, что на нее глазеть? Да

и не понесет тебя никто, стражи только мне подчиняются, а они устали за ночь. И действительно, они его убили, как и положено. Все обычаи соблюдены, никто нас в этом упрекнуть не может.

– Дураки вы все, – усмехнулась беззубым ртом гадалка. – Все только начинается, вот попомните мои слова. Беда придет. В мальчишке в этом был свет, поэтому его и отвели в долину, а в пророчестве сказано: тот, в ком свет, обязательно вернется.

– Он и вернулся, – вставил Слип, хмыкнув. – Вот он лежит, твое пророчество сбылось, хоть света никакого в нем мы не видели.

– Может, и сбылось, а может, и нет, – вздохнула гадалка. – Ладно, что сделано, то сделано. А что будет дальше, проживем – увидим. Может, вы и правы, не надо мне смотреть эту яму. Но хоть до деревни-то доведете?

Слип с Гротом посмотрели на старосту, потом друг на друга и вздохнули.

– До деревни доведем, – сказал Слип. – Даже донесем, если нас больше дураками не будешь называть.

– Не буду, – засмеялась гадалка. – Хоть вы дураки и есть, но вы в этом не виноваты, родились такими. А вот Врон дураком не был, он многое мог, только сам этого про себя не знал.

– Теперь и не узнает, – сказал староста. – Ладно, пошли уже, завтракать пора, слишком рано это утро началось.

Грот посадил старуху на закорки и трусцой побежал к деревне, а за ним потянулись и все остальные.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Когда-то в этих местах жили древние люди, это они построили города и крепости, в которых мы живем. Кроме этих каменных строений и многочисленных преданий, от них ничего не осталось. Никто не знает, куда они ушли и почему бросили столь замечательные постройки, которым уже много тысяч лет, а они все так же прочны, как и тогда, когда их возвели. Они сложены из таких огромных каменных блоков, что даже тысяча человек не может поднять и один из них и тем более вознести на столь огромную высоту.

Предания гласят, что древние люди были подобны богам. Они умели разговаривать с животными и птицами, и те подчинялись им, выполняя любые желания древних людей.

Во времена, когда они жили здесь, эти земли были совсем другими, тогда они были заселены огнедышащими драконами и демонами разных мастей и размеров. В некоторых свитках говорится о том, что древние люди и создали всех этих тварей и что именно они и стали причиной их ухода, а возможно и их гибели.

Когда люди пришли сюда, драконы и демоны еще жили здесь. Во многих преданиях рассказывается о борьбе людей за эти земли, о многочисленных героях, сражавшихся с драконами и побеждавших их. Говорят, что последнего дракона убил сам Рис Мудрый,

основатель нашего монастыря и первый и последний король этих земель.

Драконов было немного, и люди победили их, но демонам нет числа, и война с ними до сих пор не закончена.

Поэтому наш монастырь – это место, где живут охотники за демонами. Мы убиваем демонов, выполняя завет короля Риса и первого охотника за демонами.

Из книг монастыря охотников за демонами.

Тишина и покой. Он заперт в своем теле, которое ему не подчинялось, глаза не открывались, а рук и ног совсем не существовало. Мозг работал вяло, память возвращалась медленно и бессвязными образами.

Он видел отца, что-то объясняющего Гроту и Слипу, а за стражами стоял что-то бормочущий про себя староста с хмурым недоуменным лицом.

Потом он почувствовал веревки, врезающиеся в его тело. Он был связан по рукам и ногам и лежал на земляном полу в каком-то сарае. Он безразлично смотрел на солнечный луч, который медленно полз по бревенчатой стене.

Когда солнечный луч исчез, ему развязали ноги и, подгоняя ударами копья, погнали в долину.

Потом он увидел себя, лежавшего в яме со сломанным позвоночником; он не мог двигаться, пожиратель душ висел над ним, и он чувствовал нестерпимую боль во всем теле.

А потом, когда прошло бесконечное количество времени

и он испытал бесконечную нестерпимую боль, он как-то сумел выбраться из ямы и пошел домой, но у выхода из долины, около костра, сидели Грот и Слип. Слип ударил его копьем, а потом... он умер...

Врон попытался вздохнуть, но это была только мысль. Воздух свободно проникал в развороченную копьем Слипа грудь и так же свободно выходил из нее. Сердце не билось, потому что от него остались только одни кровавые, ничем не связанные ошметки. Он раньше и подумать не мог, что ему будет так не хватать его ритмичного стука в груди.

Итак, он умер...

А раз он мертв, то должен находиться в огненном царстве демонов или если ему повезло, то на небесах рядом с богом.

Но почему он ничего не видит и не чувствует?

И где его крылья, которые вручают каждому пришедшему, чтобы он мог летать?

Или если это царство демонов, то где огнедышащая печь, в которой он должен гореть бесконечно долго?

... Ничего этого нет, совсем ничего нет, кроме темноты и всплывающих образов.

Значит, он не на небе и не в царстве демонов. Возможно, он застрял между небом и землей, и сейчас бог и царь демонов сидят за одним столом и решают его судьбу. Когда они договорятся, тогда он окажется там, где ему и положено быть, а пока он должен ждать...

Врон печально улыбнулся, если можно назвать улыбкой,

когда ни одна мышца не сокращается и улыбка находится где-то внутри. И почувствовал: что-то начинает происходить в его мертвом теле, если можно чувствовать, когда есть только вялые мысли, всплывающие воспоминания и больше ничего...

А потом его безмятежности и покою наступил конец: он услышал стук своего сердца, оно забилось неровно, то убыстряясь, то замедляясь почти до полной остановки.

Врон недоуменно вслушивался в этот стук.

Неужели бог и царь демонов решили снова отправить его обратно на землю? Зачем? Должно быть, они хотят, чтобы он что-то для них сделал, но что?

Почему они не говорят с ним?

Тут у него сама собой дернулась рука, мучительное содрогание прокатилось по всему телу, а вслед за этим нахлынула боль. Жгучая и безжалостная...

Теперь он ощутил свое тело, каждую клетку, вопившую от боли, воспоминания смазались, а потом совсем исчезли, и он остался один на один с болью. Он не боролся с ней, а просто терпеливо ждал, когда она пройдет, и она его уже так не страшила, как раньше.

Он вглядывался в свои ощущения и учился их понимать. Больше всего болело сердце – потому, что в нем сейчас застарели раны, нанесенные копьем Слипа.

Болела грудь, там тоже появлялись новые ткани взамен погибших; кровь текла непрекращающейся струйкой из ран,

но порванные сосуды скоро закрылись, срослись, и она пошла дальше по жилам туда, где была так нужна.

Она уносила грязь, остатки мертвых клеток, неся это все почкам и коже, которые вбирали все это в себя, а потом выбрасывали наружу, и вся эта ненужная ему теперь грязь выступала на теле каплями неприятно пахнущей слизи.

Бодело плечо, там была рваная рана от меча, и боль говорила о том, что и эта рана начинает зарастать. Ныл живот, потому что меч Грота проткнул желудок и печень.

Бодела правая нога, там тоже была рана, а все остальное болело просто потому, что, пока не билось сердце, тело не получало кислород и питательные вещества, поэтому многие клетки погибли, и теперь вместо них зарождались новые.

Врон снова захотел вздохнуть полной грудью, но сообразил, что это сейчас не обязательно и даже опасно, потому что его рот забит землей.

Так нужный ему воздух поступал теперь в тело через кожу.

Прошло бесконечно много времени, прежде чем боль стала постепенно стихать, и Врон понял, что сможет двинуться. Он попробовал открыть глаза, но тут же понял, что и это невозможно – земля лежала на веках и на всем его лице.

«Они меня закопали, как мертвого, – подумал Врон. – И теперь я лежу где-то под землей и если хочу дальше жить, то должен как-то выбраться на поверхность. А хочу ли я?»

Он прислушался к ощущениям своего тела и понял, что

лежит на животе; Врон уперся руками и попробовал подняться.

У него ничего не получилось, потому что на спину давила земля.

После нескольких попыток он сумел перевернуться и даже выплюнуть землю изо рта. А дальше он стал подгребать руками землю, стараясь загнать ее под себя. Это был тяжелый труд, но у него уже был опыт, не так давно приобретенный, когда он выбирался из ямы в долине.

Он не знал, сколько прошло времени, его мозг периодически затуманивался от недостатка кислорода, но в конце концов наступил момент, когда он сумел выбраться из могилы.

Его легкие заработали, и он долго кашлял, выбрасывая из своих внутренностей зеленовато-желтую слизь, а потом лег на землю и долго лежал, бездумно глядя в темное ночное небо.

Когда на небе появилась яркая огромная луна, он смог встать и оглядеться. Он лежал совсем недалеко от костра, где когда-то бесконечно давно, в его прошлой жизни, сидели Слип и Грот, ожидая его возвращения из Проклятой долины.

Он чувствовал острый голод и жажду, его телу нужны были пища и вода, потому что его организм восстановил необходимые для жизни внутренние органы за счет других клеток, и восстановление оказалось неполным. Он сделал несколько шагов и остановился, почувствовав, как задрожали мышцы. Его тело было слишком слабым, чтобы ходить, и

оно не сможет бежать, если появятся стражи.

Если он хочет жить, ему нужно было срочно найти пищу и воду. Врон провел рукой по поясу.

Так и есть, фляжки не было, как и ножа. Хорошо, что хоть кресало осталось – видимо, никто из жителей селения не захотел рыться у мертвеца в карманах.

Еду и воду он сможет найти в деревне, но там собаки... Если они почуют его, то поднимут такой лай, что все жители проснутся, и стражи будут охотиться за ним, как за диким зверем.

Значит, ему ни в коем случае нельзя туда идти...

Но куда ему идти? С этого места есть только два пути: один через деревню, другой в проклятую долину...

Врон содрогнулся от одной мысли, что придется снова встретиться с пожирателем душ. Нет, туда он больше не пойдёт...

Значит, он должен пройти через селение так, чтобы собаки не подняли лай.

Только как это сделать?

Врон поднял голову и посмотрел на небо. Луна уже спряталась за тучи, близилось утро.

Что бы он сейчас ни думал, времени у него почти не оставалось, скоро деревня проснется. Если он не хочет снова умирать, он должен идти...

Врон тяжело вздохнул и медленно, осторожно, привыкая к новым ощущениям в своем истерзанном теле, начал под-

ниматься по косогору.

Деревня спала, ни одно окно не светилось, и ни один человек не бродил по узким кривым улицам, даже стражей не было видно. Наверно, эту ночь им разрешили отдохнуть в награду за его убийство.

Врон остановился. До ближайшего дома оставалась какая-то сотня метров, и он каким-то непонятным для себя образом почувствовал первую собаку – она настороженно прислушивалась к его шагам.

– Это я, – прошептал Врон. – Я не опасен и никому не причиню зла, мне нужно просто пройти мимо. – Он почувствовал, как начинает неровно и быстро биться сердце, как тело готовится к новым неприятностям.

От прилива крови у него закружилась голова, его сознание раздвоилось: какая-то часть осталась в нем, спокойная и безразличная к тому, что с ним происходит, а другая устремилась к собаке. Это было странное ощущение, он чувствовал не только себя, но и пса, напряженно прислушивающегося к ночным звукам.

Его отделившееся сознание коснулось мозга собаки.

«Я не опасен, – мысленно проговорил Врон. – Не беспокойся, я не потревожу тебя, я просто пройду мимо».

Он медленно, стараясь двигаться бесшумно, прошел мимо дома; пес зевнул и спокойно опустил морду на лапы.

Врон также мысленно поговорил со следующей насторожившейся собакой, и та тоже пропустила, что удивило его.

Возможно, это была просто его фантазия, но она ему помогала. Так он дошел до леса, начинающегося на краю селения, разговаривая с каждым псом в деревне.

Он немного удивился этой своей новой способности, но тут же забыл об этом, потому что почувствовал, что не может идти дальше: его тело было слишком слабо и не готово к таким длительным переходам.

Врон залез в глубину густого орешника, окаймляющего лес, лег на сырую землю и, закрыв глаза, тут же уснул.

Сны его были наполнены кошмарами. Он снова был во власти пожирателя душ, тот висел над его беспомощным распростертым телом и наполнял его нестерпимой болью.

В своем сне Врон еще раз понял, что пожиратель душ сделал с ним. Он изменил программу, по которой его тело развивалось и жило, добавив в нее то полезное, что он нашел в убитых им животных, растениях, насекомых и других людях.

В результате Врон стал почти бессмертным. Теперь его тело было способно полностью восстанавливаться после любых ран. Даже если оставалась хотя бы одна живая клетка, его тело все равно было бы выстроено вновь, хоть на это и потребовалось бы много времени.

Дышать он мог – как через легкие, так и через кожу. Врон даже откуда-то знал, что со временем его легкие станут совсем слабыми, потому что этот способ дыхания пожиратель душ считал неэкономичным. Через кожу он получал и воду, улавливая ее из воздуха.

Он мог брать энергию из всего, что его окружало, он и сейчас получал ее от земли и лучей солнца, пробивавших плотный лиственный покров орешника.

Его мышцы были приспособлены к любым запредельным нагрузкам, правда, сначала он должен был их нарастить, для этого в организме должны быть запасы. Но их сейчас не было, все было израсходовано на то, чтобы восстановить тело после смертельных ран.

Теперь его измененное тело могло долго обходиться без пищи – она была нужна только тогда, когда потеряно слишком много крови и телесных тканей. Сейчас был как раз именно такой случай.

Если он хочет обрести силу и выносливость, ему срочно нужно найти себе пищу, чтобы восполнить то, что было безвозвратно потеряно.

Все это казалось ему странным и нереальным, но его молодое, пока еще легко приспосабливающееся к любому знанию сознание уже смирилось с тем, что он стал отличным от других людей.

Спал он недолго и проснулся оттого, что услышал приближающиеся человеческие голоса:

– Он не мог уйти далеко.

Это сказал Слип, ему тут же ответил Грот, его голос прозвучал совсем рядом.

– Откуда ты это можешь знать? Я же говорил, что он стал демоном, а демоны очень быстры и могут бегать со скоро-

стью ветра.

– Какой он демон? Он просто жалкий и слабый мальчишка, которого выбрала ведьма для того, чтобы покормить пожираателя душ.

– Он был мертв, но ожил и вылез из могилы, а на это способны только демоны. Так что старуха была права, когда сказала, чтобы мы его отвели в Проклятую долину.

– Я уже говорил тебе, что демона так просто не убьешь, у него кожа настолько толстая и жесткая, что стрелы и копья от нее отскакивают. Я это точно знаю, я убивал демонов, когда служил у благородного Старка. И, поверь мне, убить их было совсем не просто, а этот мальчишка умер сразу, когда я проткнул копьем его сердце... К тому же демоны не бессмертны, еще ни один из них не ожил после того, как его убили, а мальчишка ожил. Может, все-таки он не был мертв, а просто тяжело ранен? Такие случаи у нас тоже бывали, одного стража посчитали мертвым и даже закопали в землю, а на следующее утро он пришел в казарму...

– Как же вы их убивали, если ты говоришь, что демона не берут ни копья, ни стрелы? – спросил Грот, останавливаясь около куста, в котором прятался Врон.

– И у демонов есть слабые места. Обычно мы стреляли в глаза. И если он не успевал моргнуть веком, а оно у него такое же жесткое, как другая кожа, то глаз вытекал, как у обычного человека. Ну, а со слепым демоном бороться совсем просто. Мы набрасывали на него сети и валили на зем-

лю, а потом разбивали ему голову молотом или раскрывали мечом пасть и вливали туда кипящую смолу или масло...

– И много ты убил демонов? – поинтересовался Грот.

– Один я не убил ни одного, – ответил Слип. – А всего во время службы у благородного Старка мы – его гвардия – убили двух демонов, и ни один из них после этого не ожил.

– Что же ты в его гвардии тогда не остался, а вернулся обратно?

– Ты что, не знаешь, что благородного Старка отравила его сестра? А ей наши услуги не понадобились, она всю нашу гвардию распустила, а после этого набрала других наемников, это обычная практика в таких случаях. Хорошо еще, что жалованье полностью выплатила за весь срок службы, а это она делать была не обязана. Потому что мы присягали на верность благородному Старку, а не ей и прослужили меньше, чем было оговорено в контракте.

– А чем ей показались лучше другие наемники?

– Тем, что они присягнули ей, и теперь они будут ей верны до ее смерти, таков кодекс чести наемника. Мы же не могли ей присягнуть, потому что мы служили ее брату, а кодекс наемника не позволяет присягать тому, кто убил прежнего нанимателя.

– И ты что, не мог наняться к кому-то другому?

– После этого, как положено в таких случаях, мы обошли все таверны в городе и выпили все запасы вина, которые у них были, а только потом пошли искать нового хозяина. Но

никому из благородных наемники оказались не нужны, хватало своих, а войн давно не было. Вот мы и разошлись кто куда. Я вернулся сюда повидать мать, но чувствую, что долго здесь не пробуду, скучно мне здесь.

– Понятно, – протянул Грот. – Может быть, когда решишь уйти, и меня с собой возьмешь? Я тоже не прочь мир повидать...

Слип хмыкнул:

– Может, и возьму, парень ты неплохой, вроде бы не трус, к тому же вдвоем веселее. Вот мальчишку найдем и начнем собираться – слышал я, что кое-кто из благородных начал снова набирать наемников, похоже, готовится новая война...

– Зачем нам нужен этот мальчишка? Пусть староста сам его ищет.

Слип рассмеялся:

– Мы – стражи, и это наша обязанность, а если ты собираешься стать наемником, как и я, то должен знать, что репутация для наемника очень много значит. Если про тебя узнают, что ты где-то что-то недоделал или струсил, то тебя никто на службу не возьмет, поверь мне...

– Я тебе верю, что ни один демон не ожил после смерти. Но если этот мальчишка не демон, то кто же он? Если бы мы знали, кем он стал, то тогда мы, возможно, догадались бы, где он прячется.

– Не знаю, кем он стал, – раздраженно проговорил Слип. – Мне пока это непонятно. Надо потолковать с гадалкой, что-

то же она знает, если указала на него, сказав, что в нем свет, а потом кричала на нас над его могилой: будет беда, будет беда!

– Если бы эта старая карга была поумнее, – заметил Грот, – она бы, еще когда он родился, могла сказать, что в нем что-то не так, и тогда у нас точно не было бы сейчас столько проблем. Я бы его сам утопил в болоте. Мне он никогда не нравился, было что-то в нем такое, словно он совсем чужой, будто пришел из другого мира... Ты мне лучше расскажи: если его обычным способом убить невозможно, то как, если мы его найдем, будем его убивать?

– Способы-то разные есть, – ответил Слип. – Осиновый кол в сердце хорошо помогает. Когда я служил в гвардии Старка, оборотням мы всегда вбивали кол в сердце, и ни один после этого не ожил. Может, мальчишка на самом деле стал оборотнем? Их-то точно не убьешь без осинового кола.

– Если бы он стал оборотнем, то, когда мы его стали бы убивать, обязательно превратился бы в то животное, которое его покусало, а так он человеком остался...

– Ну, не говори, случаи бывают разные. Может, он тогда еще оборотнем не стал по-настоящему, а вот сейчас это произошло, тем более что вчера как раз была полная луна, а она оборотням силу дает.

– Не знаю, оборотень он или нет, но без собак мы его в лесу не найдем, – сказал Грот. – Парнишка был лучшим охотником в селении, лес знает так, как никто в деревне. Навер-

няка у него есть здесь и свои тайные места, в которых он может прятаться.

– Насчет собак у меня есть сомнение, – вздохнул Слип. – Почему-то ни одна этой ночью не лаяла, а я уж точно знаю, что собаки оборотней не любят и хорошо их чувствуют, даже когда они находятся в обличье людей.

– Да, это и мне непонятно, – согласился Грот. – Ну что, скажем старосте, что его не нашли и найти сами не сможем?

– Пойдем все-таки за собаками, а старосте скажем, чтобы поднимал все селение на прочесывание леса. Иначе, если что-то случится, нас же потом во всем обвинят.

– Как скажешь, ты у нас умный и даже демонов убивал, что уж говорить об оборотнях, – усмехнулся Грот. Шаги стражей стали удаляться, и Врон вздохнул с облегчением. Он подождал, пока они отойдут подальше, и вылез из куста.

После сна он чувствовал себя немного лучше, слабость хоть и не прошла совсем, но забила куда-то внутрь.

Ему срочно нужно было что-то поесть, иначе эта слабость так и не пройдет, а скоро здесь будет вся деревня с собаками.

Что стражи болтали про осиновый кол? Интересно, убьет он его или он сможет опять ожить?

Врон поморщился, представив себе, как это произойдет, и в то же время он откуда-то знал, что осиновый кол был для него тоже не смертелен. Просто само восстановление после этого затянется на многие годы, до тех пор пока не сгниет осина в его сердце.

Он содрогнулся, представив себя лежащим долгие годы под землей, и зашагал в сторону болота.

Оно было непроходимым – по крайней мере, ни жителям деревни, ни ему самому не удалось найти проход через него.

Однажды он сумел добраться до острова в середине болота, и то последние сто метров ему пришлось плыть в темной, отдающей запахом гниющих растений воде.

Про найденный им остров он никому не рассказывал, поэтому у него была надежда, что там его никто не найдет и он сможет наконец понять, что же с ним произошло и как ему теперь жить дальше.

На острове было столько комаров и мелкой кровососущей мошки, что он сбежал оттуда, не пробыв и получаса, как только убедился в том, что дальше острова без лодки ему не пройти. Но сейчас ему придется с этим смириться.

Болото пряталось в самой гуще леса, звери туда ходили на водопой, и в этом был главный секрет его охотничьего мастерства: он просто устраивал засады на тропах, протоптанных зверями в густой высокой осоке.

Самое трудное было скрыть место своих охотничьих угодий, поэтому он всегда, перед тем как вернуться в деревню, тщательно мылся и даже стирал свою одежду в ручье, чтобы никто от него не учуял запаха болота.

Врон шел, забираясь все глубже в лес, под ногами уже начала хлюпать вода, когда он услышал лай собак.

Он зашагал быстрее, стараясь не обращать внимания на

боль в мышцах и вернувшуюся слабость.

Будь у него прежние силы, он бы сейчас побежал, тем более что до звериной тропы, уводящей в глубину болота, оставалось совсем немного. Но сейчас Врон едва передвигал ноги – с такой скоростью он не то что от собак, даже от ребенка не смог бы убежать.

Врон тяжело вздохнул, почувствовав боль в сердце, словно там уже торчал осиновый кол, и свернул в густые заросли. Эта тропка вела прямо к трясине, и скоро его ноги стали проваливаться в густой, пропитанный водой мох.

Почва под ногами становилась все более вязкой, его ноги проваливались почти по самую верхушку сапог, а у него не было сил их вытаскивать.

Он снял сапоги и, перевязав их ивовой корой, повесил себе на шею. Так идти стало немного легче, но Врон тут же провалился по пояс в трясину и уже не мог вылезти, несмотря на все усилия.

Постепенно он погрузился по грудь в холодную вонючую жижу, и тут его ноги уперлись в дно. Собаки лаяли уже где-то совсем рядом, но он не мог их увидеть из-за высокой осоки.

Прошло довольно много времени, прежде чем он услышал голос старосты, который успокаивал собак, а потом и голоса стражей.

– У собак лапы проваливаются, дальше они не пойдут, они не люди, у них ума больше, – громко сказал Грот. – А этот ублюдок, похоже, свернул сюда, в самую трясину, вот и ива,

с которой он зачем-то сорвал кору.

– Что же нам теперь делать? – спросил староста. – Надо идти дальше, если он прошел, то и мы пройдем. От собак теперь толку мало, они в болото не полезут.

– Попробовать-то можно, – ответил Слип. – Только по договору мы должны охранять селение, а не лазить по болотам.

– Так-то оно так, – вздохнул староста. – Только случай необычный, такого еще у нас в деревне не было. Не буду же я безоружных людей за ним посылать, а вы – стражи, мы вас для того и держим, чтобы вы могли кого-то поймать и если нужно, то и убить. Мы вам и содержание неплохое платим, не бедствуете.

– Твоя правда, – согласился Слип. – Только вам придется теперь еще раскошелиться на новые сапоги и одежду, все свое мы испортим в болоте. Сейчас мы срубим жерди и пойдем дальше. Если он еще человек, а не превратился в рыбу, то мы сможем его догнать. А вот если превратился в кого-то, то вряд ли...

– Человек он, – проговорил староста с тяжелым вздохом. – Гадалка сказала, что он не оборотень, просто в нем что-то изменилось оттого, что несколько ночей он был рядом с пожирателем душ. А на одежду мы вам деньги дадим, об этом не беспокойтесь...

– Что изменилось-то? – спросил Грот.

– Не открывает она, – признался староста. – Я с ней долго беседовал, только она либо молчит, либо говорит, что мы все

дураки, все равно ничего не пойдем. Заладила одно, что мы должны были его отнести сразу в долину, как только убили, а так, говорит, нам с ним не справиться. И еще она сказала, что раз мы ее не послушали, то теперь и гоняться за ним не надо, нам, говорит, его теперь больше не убить. А как же за ним не гоняться, если он из могилы встал? Может, он теперь нас всех убивать будет? Бывали такие случаи в других селениях, люди рассказывали...

– А ты ей рассказал про осиновый кол? – спросил Грот.

– Осиновый кол, она сказала, может помочь, только говорит, что нам теперь его не поймать. Он, говорит, уже знает, что мы за ним идем, и в руки просто так не дастся. Это, говорит, нам очень повезло, что в первый раз он еще ничего не понимал и вышел прямо к вашему костру. А сейчас он уже знает, что в деревню ему хода нет, что мы его снова убьем, если увидим.

– Убьем, а как же иначе, – ответил Слип. – Осиновый кол я уже припас, только в болото лезть неохота. А гадалка сама эту кашу заварила, может, мальчишка так бы и жил и никому не мешал, если бы она на него не показала.

Врон услышал, как стражи рубят жерди, потом услышал, как зачавкала грязь под их ногами – они пошли дальше в болото.

– А болото-то глубокое? – спросил Слип.

– Глубокое, – ответил староста. – Столько здесь всякой живности потонуло, страсть. И лоси, бывает, забредают, а об-

ратно не возвращаются, и коровы, и овцы. Многие из наших пытались найти дорогу через него, только ни один далеко не прошел. Говорили, что там чуть дальше есть какой-то остров прямо посередине топи, предлагали даже гать туда проложить, думали, что дальше можно будет до дороги в город на лодке плыть. Но когда двое самых смелых утонули, больше желающих строить гать не нашлось...

– Тащи меня! – услышал Врон истошный вопль Грота. Голос его прозвучал совсем рядом, всего в нескольких шагах от него. – Тону же.

– Хватайся за жердь, – крикнул Слип, потом Врон услышал всплеск и хриплое дыхание Грота.

– Фу, едва выбрался.

– Вот так и другие, – спокойно сказал староста. – Лезут в это болото, да там и тонут.

– Ты же нас сам туда послал! – воскликнул Слип.

– Ну, проверить-то надо было, – ответил староста. – А вдруг какой-то проход здесь есть? Мальчишка-то в этих местах часто охотился, может, он его и нашел...

– Ну, ты придумал, староста, – возмущенно крикнул Грот. – А если бы меня сейчас засосало в трясиину?

– Не утонул же, значит, не судьба, – спокойно ответил староста. – Ладно, пошли в деревню. На всякий случай еще несколько ночей на окраине посторожите, чтобы люди спокойны были, а потом все забудется...

– Так ты думаешь, что он утонул? – спросил Слип.

– Может, и утонул, а может, и нет, – сказал староста. – Поживем – увидим. В любом случае, я думаю, в деревню он больше не вернется. Незачем ему, родные его все равно не примут...

Голоса стали удаляться, и Врон вздохнул с облегчением. Теперь ему надо было придумать, как выбраться из трясины. Он перебросил сапоги на сухое место и, ухватившись за ветки куста, стал вытягивать себя из болота.

Когда он вылез на твердую почву, у него уже не осталось сил.

Врон передохнул полчаса и поплелся дальше. Пройдя сотню шагов, он наконец нашел нужную ему тропу. Слабость еще была в нем, но он с удивлением заметил, что жажды уже больше не ощущает и даже как будто есть стало хотеться меньше.

Когда солнце опустилось за горизонт, он добрался до острова в глубине болота. Ноги и руки дрожали от усталости и напряжения мелкой неприятной дрожью. Он с трудом заставил себя сделать еще несколько шагов и рухнул на землю.

Его тут же облепила мошкара, он грустно усмехнулся, представив, что эти мошки сейчас с ним сделают, и провалился в тяжелый беспокойный сон.

Он не помнил, что ему снилось, только в какой-то момент он почувствовал, что снимает с себя всю одежду – то ли от того, что ему что-то приснилось, то ли потому, что ему стало жарко.

Когда он проснулся, солнце поднималось над огромным болотом и слепило глаза, отражаясь от темной воды. Он лежал голый на мокрой холодной земле, а его одежда была разбросана вокруг.

Он вздохнул и осмотрел свое тело, ожидая увидеть волдыри и ранки от укуса насекомых, но кожа была гладкой и чистой. Исчезли даже грубые жесткие мозоли, которые были у него с раннего детства от тяжелой работы в поле.

Не нашел он и огромных пиявок, которые присосались к нему вчера в воде, да и на коже не было видно ни одной ранки.

Земля вокруг него была усыпана сухими трупиками мошки, комаров и пиявок, и ветер уносил их в воду, как легкую воздушную пыль.

Он недоуменно покачал головой, собрал одежду и, постирав ее в покрытой ряской воде, развесил на кустах для просушки. Потом сел на полусгнивший ствол дерева и задумался.

Староста сказал правду: обратно в деревню ему пути нет, только вперед, туда, где он еще ни разу не был и где никто не знает о том, что он побывал в долине пожирателя душ.

Что было дальше, за болотом, он не знал, только слышал, что где-то там есть города, в которых живут благородные лорды и у каждого имеются свои армии наемников, для того чтобы противостоять друг другу и бороться с демонами, которые иногда приходят из своего царства, чтобы полако-

миться человечиной.

И еще там находится монастырь охотников за демонами.

Кто такие охотники за демонами, Врон тоже не знал, только слышал от одного торговца, что охотники дают приют всем, кому не повезло в жизни, и со временем неудачники так или иначе сами становятся охотниками.

Он грустно усмехнулся и встал. Ему тоже не повезло, значит, его путь туда, в монастырь. В лесу без ножа, без лука и силков он не выживет.

Но сначала нужно что-то поесть, он уже не ел три или четыре дня, а может, и больше. Врон совсем не помнил, сколько времени он провел в проклятой долине.

Его мышцы ослабли, а ноги совсем никуда не годятся, он и до этого острова с трудом добрался. Чудом не утонул. Когда у него уже совсем не осталось сил, а до острова было уже рукой подать, судорога от холодной воды сковала ноги. Он как-то выплыл, хоть уже и не помнит как.

Неожиданно он понял, что ему совсем не хочется есть, да и вчерашняя слабость куда-то исчезла, наоборот, он был полон сил и энергии.

Врон поднял ствол дерева, на котором сидел, и легко отшвырнул его в сторону.

Потом подпрыгнул на месте. Ноги были в порядке, а руки даже стали сильнее, да и желудок удовлетворенно урчал, словно только что насытился какой-то вкусной пищей.

Глаза Врона остановились на сухих останках насекомых,

он недоуменно пошевелил их босой ногой. Неужели в этот раз не они его ели, а он их? Если это было так, то каким образом? Он покачал головой и с любопытством стал следить за комаром, который собирался сесть на его руку.

После нескольких кругов над его головой комар наконец решился, воткнул свой хоботок ему в кожу и... через мгновение порывом ветра его высушенный трупик отнесло в сторону, а на коже не осталось даже следа от укуса. Врон растерянно потрогал место, где только что сидел комар, и тяжело вздохнул.

Он-то надеялся, что, проснувшись, увидит, что все, что с ним случилось, окажется просто дурным сном. Но, увы, ничего не изменилось.

Кем же он теперь стал? Демоном?оборотнем? Или каким другим существом, которого еще не встречали люди?

Врон ущипнул себя за руку и почувствовал боль. Значит, это не сон? Выходит, это все-таки ему не приснилось? Он посмотрел на локоть, где расплывалось красное пятно от щипка, оно увеличивалось, растекаясь по руке, и потом мгновенно побледнело и исчезло.

Он подошел к воде и плеснул себе в лицо – капли прокатились по щекам и тоже исчезли, впитавшись в кожу.

Врон выругался и побрел вдоль кромки воды, обходя коряги и топкие места. Вокруг острова со всех сторон темнела открытая вода, в которой торчали полусгнившие стволы деревьев, кое-где ближе к берегу были видны заросли травы,

скрывавшие топь.

Врон подобрал два наполовину сгнивших ствола березы и связал их вместе полосками ивовой коры; плот получился не очень прочный, но ничего другого, из чего можно было сделать что-то лучшее, на острове не нашлось.

После этого он собрал одежду, связал ее в узел и, привязав к стволам, столкнул плот в воду и поплыл, держась за него одной рукой.

... Должно же это болото где-то кончиться, не может же оно тянуться до бесконечности, конец есть у всего.

А за болотом есть города и другие деревни, где живет множество людей и где легко будет затеряться одному незадачливому пареньку. А если станет совсем плохо, то можно будет пойти в монастырь охотников за демонами...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Когда и как появились демоны на этой земле, точно не известно никому. В некоторых преданиях говорится о том, что и драконы и демоны были созданы древними людьми для каких-то своих непонятных для нас целей. В этих свитках ничего не сообщается о том, как они создавались, что уже вызывает сомнение, ибо сотворение живых существ есть прерогатива бога, только ему приписывается создание всего этого мира и живых существ, обитающих в нем.

Впрочем, в некоторых свитках говорится и о том, что древние люди были подобны богам и города, которые они построили, есть этому подтверждение. Мы не будем вдаваться в несущественные детали, кто и когда кого создал, хотя, по нашему мнению, демоны были созданы богом как обычные животные. Но потом в результате долгой жизни и трудностей, которые они преодолевали, чтобы найти себе пропитание, демоны приобрели разум, что сделало их самыми свирепыми хищниками на земле после драконов.

Демоны едят людей, это бесспорный факт, но они едят и животных, в том числе и диких. Известны случаи, когда демоны нападали на медведей и тигров и выходили из этих битв победителями.

У демонов крепкая прочная кожа, которая выдерживает несильный удар копья с железным

наконечником. Также известно, что и не каждый меч может прорубить эту кожу, да и стрелы, если они все-таки впиваются в тело, то неглубоко, не нанося опасных повреждений демону.

Рис Мудрый всегда говорил, что только трое охотников способны убить демона. Один из них должен быть вооружен копьем, его дело нанести как можно больше мелких ран на теле, чтобы демон слабел, истекая кровью. Другой должен быть вооружен луком и стрелами, его обязанность – стрелять в глаза, чтобы ослепить демона. Третьего нужно вооружить мечом, он и должен нанести смертельный удар в пасть или, если получится, в глаз.

Именно поэтому охотников всегда трое, и старший из них тот, кто владеет мечом, ибо он наносит последний удар.

Из книг монастыря охотников за демонами.

Вода была холодной и кишела пиявками и всякой другой мелкой живностью, которая пыталась им полакомиться, но сейчас все получалось наоборот – лакомилось ими его тело.

Солнце поднималось все выше и выше, и, когда оно застыло в зените, Врон увидел впереди себя сушу.

Полусгнивших стволов деревьев стало больше, между ними появились травяные кочки, и скоро плот прочно застрял среди них. Врон взял узел с одеждой, пристроил его на голову и дальше стал перебираться по кочкам.

Мошкара вилась над его головой, но она его не раздражала, как раньше, он только благодушно улыбался, когда она садилась на него.

Скоро он добрался до берега и оказался в густом лесу. Врон подождал, пока его тело обсохнет и от него отлетят мелкой пылью ил и грязь, и не спеша пошел дальше.

Он не чувствовал усталости и был полон энергии, несмотря на то что проплыл несколько километров.

Мышцы тела продолжали увеличиваться, шаг стал пружинистым и энергичным, а дыхание почти незаметным. Пройдя немного, он побежал, потому что его мышцы сами просили этого. Дул прохладный ветерок, но он только доставлял удовольствие его разгоряченному телу.

Одежду на себя он решил не надевать: пока вокруг него вилась мошка и комары, это было бы глупостью. Лес был такой же, как и тот, что был возле его родной деревни: такие же деревья, тот же мох и те же животные и птицы.

Он бежал по нему, чувствуя себя так, как всегда чувствовал себя на охоте, тягостные мысли потихоньку развеялись, и все произошедшее с ним стало казаться нереальным обыкновенным кошмаром, приснившимся в лунную ночь.

Незаметно день подошел к концу, солнце спряталось за верхушки деревьев, наступила ночь, но он продолжал видеть все вокруг, только его видение стало другим. Теперь он видел, что кусты, трава и деревья светятся ровной спокойной зеленоватой энергией, ночные животные и птицы – яр-

ко-желтой, а земля – светло-серой.

Через поваленные деревья он перепрыгивал, а кусты, которые встречались ему на пути, он просто проламывал своим телом, не обращая внимания на мелкие царапины. Все ранки мшovenно затягивались, и кожа снова становилась гладкой и чистой.

Ему нравился этот сумасшедший бег, лес успокаивал его и давал ему надежду на то, что будущее его будет гораздо лучше того, что у него было.

Перепрыгнув через очередные кусты, он выскочил прямо на диких кабанов, вырывающих съедобные корешки на поляне, и, не останавливаясь, пробежал мимо них.

Огромный вепрь бросился за ним с предостерегающим рыком, но Врон только рассмеялся и увеличил скорость. Скоро кабан отстал, убедившись, что это странное быстрое существо не угрожает его семейству.

Когда солнце вновь взошло и наступило утро, он выбежал из леса на пустынную ровную дорогу, она была выложена камнем и, вероятнее всего, вела в один из городов. Здесь Врон остановился и с сожалением оделся, решив, что голый человек, бегущий по дороге, привлечет ненужное ему внимание.

В сапогах он уже не мог так быстро бежать, одежда мешала ему, потому что сковывала движения, а кроме того, в ней еще и было жарко. Поэтому дальше он пошел быстрым шагом, понемногу остывая от бега.

Вдоль дороги тянулись обработанные поля, и несмотря на ранний час, на них копошились крестьяне. Кое-где были видны небольшие, сделанные из глины и соломы дома, из их труб вился дымок, ветер доносил до него запахи готовящейся еды. Врон тяжело вздохнул и заторопился.

Скоро он догнал телегу, на которой сидел старик, погоняющий тощую клячу.

– Эта дорога ведет в город? – спросил он. Старик пожал плечами:

– В город, а куда же еще? Здесь все дороги ведут в город, только города разные. Тебе-то какой нужен? Врон замаялся.

– Я тут еще ничего не знаю, – признался он. – Я издалека.

Старик степенно покивал:

– Из какого же ты далека, что ничего не знаешь про наши города?

– Я из деревни Броди, – сказал Врон.

– Никогда про такую не слышал, – отозвался старик. – Где она находится?

– За лесом и болотом, около гор, – ответил Врон. Он без труда успевал за телегой и мог, если бы захотел, еще прибавить хода.

– Далеко, – задумчиво протянул старик. – И что же тебе надо в городе? А самое главное – в каком из трех? Дорога ведет к ним всем.

Врон пожал плечами.

– Я не знаю, – сказал он. – Вообще-то, наверно, мне нужен

не город, а монастырь охотников за демонами.

– Охотники? – удивленно вскинул брови старик. – Зачем они тебе? Что, убил кого-то или украл, а теперь хочешь у них спрятаться?

– Я никого не убивал и ничего не украл, – сказал Врон. – Просто слышал, что они принимают всех, кто нуждается в помощи, а она мне нужна.

– Это так, да не так, – усмехнулся старик. – Не всех они принимают, иначе вместо монастыря им самим пришлось бы строить город. Времена настали лихие, в прошлом году был неурожай, град все побил, поэтому многие не смогли пережить эту зиму. А до этого была война трех благородных лордов, и из селений забрали всех молодых пареньков вроде тебя, а вернулись с войны немногие. Так что желающих попасть к охотникам достаточно, многие бы хотели там спрятаться от такой жизни. А что у тебя за беда случилась?

Врон вздохнул:

– Выгнали меня из деревни, и теперь податься мне совсем некуда.

– За что выгнали-то? – сурово спросил старик. – Я даже не представляю, что должен натворить такой паренек, как ты, чтобы терпение у всех кончилось. Если бы ты кого-то убил, то тебя самого бы на деревенской площади вздернули на виселице. Если бы украл, то заставили бы отработать... Не понимаю, объясни.

– Я и сам не понимаю, – грустно улыбнулся Врон. – Га-

далка на меня пальцем показала, сказала, что я какой-то не такой, как все.

– Гадалка? – удивленно покосился старик. – Это, как я понимаю, ваша местная ведунья. Но если в тебе было что-то не так, то тебя должны были еще в малолетстве сжечь. Но это в том случае, если твоя мать путалась с демоном. Тогда, говорят, рождаются всякие уродцы: у кого зеленая кожа, у кого когти вместо пальцев на ногах. Или клыки во рту прорезаются больше, чем нужно. У тебя-то самого что не так?

– Да все вроде как у всех, – ответил Врон. – И пальцев столько же, и когтей нет, да и клыки не выросли, вы же видите... Только гадалка все равно пальцем на меня показала и объявила, что у меня внутри свет...

– Свет? – недоуменно спросил старик. – Какой свет?

– Не знаю, – вздохнул Врон. – Вот я и хочу добраться до охотников, чтобы они мне объяснили, что она такое увидела во мне. Я слышал, что охотники знают все про всех, кто на обычных людей не похож.

– Может, ты и прав, малец, – зашамкал старик. – Может, тебе и впрямь к ним нужно, только разговаривают-то они с каждым, кто в дверь постучит, там у них рядом с калиткой специально такой большой деревянный молот висит, а вот пускают к себе не всех, а только тех, кто на самом деле прожить без них не сможет. Никто не знает, как они выбирают, кого пускать, а кого – нет...

– Я попробую, – твердо сказал Врон. – Все равно мне ни-

чего другого не остается. Я теперь никому не нужен, семья от меня отказалась, из деревни прогнали...

– Есть, наверно, хочешь? – спросил старик. – Должно быть, уже не один день в пути?

Врон подумал о еде и понял, что есть ему совсем не хочется, но решил, что если он откажется, то вызовет подозрение у старика, а это ему было совсем не нужно. Старик был пока первый встреченный им человек, который не желал ему зла, да и узнать от него можно было побольше об этих местах и обычаях.

– Если только кусочек хлеба, – сказал Врон. – Так-то я охотник неплохой, в лесу не пропаду, а вот хлеба давно не видал.

Старик пошарил в соломе возле себя и протянул краюху хлеба.

– На, поешь. Дорога у тебя дальняя, первый город, который тебе встретится, называется Горн, я сам туда еду, а вот тебе дальше, до следующего города, тот называется Бурс. Там возле Бурса и стоит монастырь охотников. В Горне мы будем к полудню, а до Бурса только завтра к концу дня придешь. Тебе еще где-то переночевать надо, ночью по этой дороге не ходят, здесь иногда демоны на людей нападают...

Врон откусил от краюхи и почувствовал желание немедленно выплюнуть хлеб, его тело отказывалось принимать такую пищу. Он заставил себя проглотить разжеванную кислую кашу, на что желудок отозвался немедленно острой

резью, но, к счастью, она быстро прошла.

– Спасибо за хлеб, – сказал Врон, пряча остатки краюхи в карман.

– Все равно не понимаю, – вслух подумал старик. – Ведуньи – они же видят и знают то, что обычные люди не понимают. И если она сказала, что в тебе что-то не так, значит, в тебе действительно что-то не так. Если, конечно, ваша гадалка из ума не выжила, это с ними тоже часто бывает. Общаются-то они с духами, с демонами, со всякой нечистью, немудрено спятить. Ты-то сам как думаешь?

– А мне какая разница? – отозвался Врон. – Из деревни меня выгнали, теперь обратно мне хода нет, стражам приказано меня убить, если я попробую вернуться.

– Да, не позавидуешь тебе, – сказал старик. – В Горне ведуний тоже много, если хоть одна из них что-то в тебе почувет, то гореть тебе на костре. В Горне всех сжигают: и демонов, и тех, в ком ведуньи чувуют опасность.

Врон содрогнулся, представив себя горящим в огне; вряд ли после сжигания от его тела что-то останется, кроме пепла, а из пепла ему не возродиться.

– Поэтому в город, я думаю, тебе лучше не заходить, – спокойно продолжил старик. – Вокруг него есть дорога, обычная, проселочная, но в конце концов выведет тебя снова на эту. Да и в Бурсе тебе тоже лучше не показываться, там тоже ведуний много. В Бурсе, может, и не сожгут, но осиновый кол в сердце воткнут, там так любят убивать.

– За что меня все хотят убить? – отчаявшись, спросил Врон. – Я же ничего плохого никому не сделал, да и не собираюсь ничего делать. Я просто хочу попасть к охотникам.

Старик усмехнулся:

– Ты, паренек, похоже, мало что знаешь для своих лет. Оно и понятно, деревня ваша стоит на отшибе, новостей, должно быть, доходит мало, а ведуньи, если что и знают, рассказывать не любят... Это, паренек, давно началось, с тех пор, как демоны снова объявились в наших местах. На первых порах про них мало кто знал, демоны вели себя тихо, с людьми не связывались, это потом они начали на людей нападать... Сначала в одной деревне всех людей убили, кого съели, а кого просто разорвали на кусочки, потом в другой, а потом уже все стали про них говорить. Скоро демонов развелось так много, что они были повсюду. Они убивали скот, людей, разоряли деревни, насиловали женщин, и тогда у этих несчастных рождалось странное потомство: полулюди-полудемоны. Ты, может, и не знаешь, но когда-то давным-давно эти земли принадлежали демонам, они жили тут повсюду, здесь и было их царство. Люди сюда даже не показывались, все знали, что тот, кто сюда придет, обратно уже не вернется. А потом демоны ушли, и никто не знал куда. Вот тогда люди и стали эти земли заселять, сначала одиночки пришли со своими семьями, а потом и целые деревни пошли сюда. Потому что тогда здесь был благодатный край, где всем было хорошо, где земля рожала невиданные урожаи, а в лесах во-

дилось много дичи. Но после того, как демоны стали возвращаться, жизнь стала невыносимой. Те, кто смог, у кого хватило сил, ушли обратно, на родину своих предков, а те, что остались, как-то к этому привыкли, прижились и относились к демонам как к злу, которому невозможно противостоять.

– Что значит невозможно противостоять? – спросил Врон. – Я слышал, что демона можно убить и что стражи их убивают.

– Демоны обладают невероятной силой, и даже одного демона обычный человек не в состоянии убить, а уж когда они объединяются, тогда им вообще никто не может противостоять, – вздохнул старик. – У них крепкая жесткая кожа, которую не пробивают стрелы и копья, а когти и зубы такие огромные, что они могут запросто перекусить человека пополам. Это теперь люди научились с ними бороться, а когда они впервые стали появляться, никто этого не умел. Люди прятались в горах, обносили деревни на равнинах высокими заборами, но это все было бесполезно, потому что демоны легко выслеживали людей по запаху, а заборы просто вырывали из земли, такой они обладают невероятной силой. Люди погибали целыми селениями, потому что демоны оставляли в живых только свое потомство, полулюдей-полудемонов, но их отпрыски были еще опасней, потому что обладали разумом и хитростью человека, а силу имели демонов. Люди должны были либо уйти, либо умереть, оставив эти земли демонам и их отродью... Так все было, пока не пришел Рис

Мудрый, он явился откуда-то издалека, никто его раньше не знал. Вот он и стал первым охотником на демонов.

– Про Риса я слышал, – сказал Врон. – Говорили, что он был нашим королем...

– Королем это потом, а сначала он был просто охотником на демонов. В те времена и королевств-то никаких не было, люди жили сами по себе. Это Рис самое первое королевство и создал, объединив все земли благородных под собой. Благородные уже тогда были, только звали их иначе. Это были те, кто пришел сюда первыми, они поделили между собой все земли, а другие люди уже работали на них. Когда Рис провозгласил себя королем, многим из них это тогда не понравилось, но его армия была сильной, да и он сам был хорошим воином. Но он бы никогда не стал королем, если бы сначала не начал охотиться за демонами...

– Что значит – охотник за демонами? – спросил Врон. – Демон – это же не дичь какая-то, за которой нужно идти в лес.

– Не дичь, это точно, – усмехнулся старик. – Похоже, в вашей деревне никогда не появлялись демоны, раз ты об этом спрашиваешь...

– Демонов у нас нет, – согласился Врон. – И я не слышал, чтобы кто-то говорил, что они у нас когда-то были.

– Хорошо, что до сих пор остались такие места, где их нет и не было, – вздохнул старик. – И заслуга в этом короля Риса... Сегодняшние благородные лорды тоже убивают демо-

нов, но, если бы не Рис Мудрый, демоны бродили бы везде, в том числе и рядом с вашей затерянной деревней.

– А много Рис убил демонов? – спросил Врон.

– Ты, я смотрю, парень, совсем ничего не знаешь, – снова усмехнулся старик. – Если хочешь, расскажу тебе о Рисе, до города еще далеко...

– Расскажите, – попросил Врон. – У нас в деревне мало что об этом говорили, да и времени не было кого-то слушать, работы всегда было много.

– Это и понятно, – кивнул старик. – В деревне работать не будешь, помрешь от голода. Так вот, когда Рис пришел сюда, он в первый же день убил демона, который на него напал в лесу. До этого никто из людей даже и не знал, что демоны смертны и что их можно убить. Когда он рассказал об этом в селении, в котором остановился на ночь, никто ему не поверил. Тогда он на следующее утро принес из леса отрубленную голову демона и показал всем. Люди испугались и решили, что демоны теперь отомстят деревне и всех убьют и съедят. Они хотели сначала сами убить Риса, но потом сыскался среди них кто-то поумнее и предложил охотнику защищать деревню и ее жителей от демонов за кров и еду. Рис согласился, потому что ему было некуда идти, он был такой же чужой всем, как и ты, малец. На следующий день Рис убил еще одного демона, который напал на крестьянина в поле, а потом сразу трех демонов, пришедших отомстить за смерть своего товарища. Люди в деревне стали чувствовать себя уверенно.

но, даже начали обрабатывать те участки земли, что находились довольно далеко от селения. Жизнь у них стала налаживаться, теперь им стало хватать еды и даже кое-что оставалось на продажу после того, как выплачивали благородному его долю. Они стали строить большие дома, рожать детей и жить спокойно, не тревожась о своем будущем. Скоро об этом узнали люди из других селений, они стали предлагать Рису все, что у них было, за то, чтобы он защищал и их деревни. Он охотно принимал все предложения и стал охотником за демонами, а скоро и самым богатым человеком во всей округе. Он поселился в крепости Горн, которую сам же очистил от демонов. Надо сказать тебе, малец, что до этого в крепостях никто не жил, потому что там поселились демоны. Это потом они стали городами людей. Впрочем, чьи это крепости и кто их построил, никто не знает, правда, говорят, что это сделали древние люди, но мне думается, что это неправда. Если ты окажешься в городе, то сразу увидишь, что крепости сложены из таких огромных и тяжелых камней, что сразу становится понятно, что такие стены не могли сделать люди, пусть даже и древние, хоть и говорят, что они умели и знали гораздо больше, чем мы. Лично я думаю, что когда-то на этих землях жили огромные великаны, а может, даже и сами боги...

Так вот, эти три крепости стоят на границе между царством демонов и людей, по крайней мере так говорят ведуньи. Я сам про это ничего не знаю, просто повторяю то, что

слышал еще мальчишкой. Может, это все и выдумки...

Но царство демонов существует, и демоны тоже, и они едят людей. Это все правда...

И Горн стал городом только потому, что люди стали селиться рядом с крепостью, чтобы быть под защитой Риса мудрого. Конечно, он сам не мог справиться со всеми демонами, их было слишком много на этой земле, да еще продолжали приходить и другие из своего царства...

И Рис стал набирать себе охотников. Конечно, они не были такими же ловкими и сильными, как он, но, когда они отправлялись на охоту втроем, они уже могли убить одного демона. Его охотники со временем сами стали новыми благородными, они до сих пор поддерживают друг с другом отношения и селятся вместе, как и раньше, по три семьи рядом. И когда начинается война между благородными, в защиту одного выступает вся тройка, чтобы схватиться с обидчиками...

Охотники Риса очистили от демонов крепости Бурс и Траст, и там тоже стали селиться люди, чтобы быть под защитой каменных стен и его охотников. Вот так и появились все наши города.

Когда демонов стали убивать, жить стало спокойнее, и люди снова стали возвращаться и занимать пустующие земли, а Рис объявил себя королем. Он ввел налоги на содержание себя самого и своих охотников, и эти налоги не были такими непосильными, как сейчас. Все шло хорошо, королевство

развивалось, становилось сильнее и больше за счет диких неосвоенных земель. Но тут нагрянула новая беда.

В некоторых деревнях, в тех, где когда-то всю хозяйничали демоны, стали рождаться полукровки, полулюди-полудемоны. Не то чтобы это было таким уж необычным событием, скорее наоборот, вполне привычным. Но не все женщины, после того как демон спаривался с ними, рассказывали об этом другим людям. И на то у них были свои причины: вряд ли кто-то женится на женщине, испорченной демоном, а если она была уже замужем, то тем более она должна была молчать об этом, чтобы муж не отказался от нее. Да и дети, как правило, у них рождались вполне нормальными и ничем не отличались от других детей.

Чаще всего проходило несколько поколений, и, когда уже и в живых не было самой этой женщины, да и тех людей, кто хоть что-то мог знать, вдруг у ничего не подозревающей молодки от обычного мужчины рождался полудемон. Самое страшное было то, что и этот ребенок вначале ничем не отличался от других детей.

Возможно, поэтому эти полукровки стали настоящей бедой.

Эти дети вырастали и казались вполне обычными людьми, но неожиданно в одно из полнолуний они сходили с ума и начинали убивать своих родных, а потом и других жителей деревни, в которой они жили. За одну ночь такой полукровка мог опустошить целую деревню, а наутро, когда уходила луна

и всходило солнце, он сам ничего не помнил.

Люди начали с подозрением смотреть на своих родных, на жен и детей. Стали частыми случаи, когда какой-то человек убивал всех своих детей просто потому, что ему показалось, что они полукровки.

Когда начиналось полнолуние, люди стали прятаться за высокими заборами и стенами своих домов, но беда-то могла подстергать их в самом доме. Страшное, я тебе скажу, было время...

Рис, как настоящий король, сразу понял в чем дело, он запретил все расправы над теми, кто отличался от других, под угрозой смерти на костре. Потом он собрал вокруг себя ведуний и распределил их по деревням и городам, дав им власть решать, кто должен жить, а кто должен умереть. Ведуньи, они же видят то, что обычные люди распознать не могут, и легко определяют, кто несет в себе кровь демона, а кто нет...

Со временем они избавили селения и города от полукровок, а сами стали неотъемлемой частью власти Риса. Иногда, бывало, они использовали эту власть в своих целях, убивая тех, кто им мешал, или тех, кто плохо к ним относился, но их решение никто никогда не оспаривал, и оно всегда было окончательным. Вот и подумай, малец, над тем: Риса давно нет, а все его законы до сих пор выполняются. Вот и ваша гадалка выгнала тебя из деревни, что-то учуяв в тебе. И ты должен благодарить судьбу за то, что она не приказала тебя

убить. И поверь мне: ее приказ бы выполнили, и сгорел бы ты на жарком костре.

Врон опустил голову. Теперь ему стало ясно, почему никто не заступился за него и почему так легко отказалась от него его семья. Теперь он лучше понимал отца: их семья жила трудно, а теперь, когда его сына объявили полукровкой, станет еще хуже, а его сестре вряд ли теперь когда-нибудь удастся выйти замуж. Врон тяжело вздохнул.

– Насчет ведуний я понял, – сказал он. – А вот кто такие охотники и могут ли они отменить решение гадалки, если оно неправильно?

Старик пожал плечами:

– Этого я не знаю, я про охотников за демонами мало что могу сказать. Никому не известно, что происходит в их монастыре, потому что они никого не пускают к себе, а те, кого они приняли к себе, больше никогда не возвращаются обратно в свои деревни. У них есть власть и сила, иногда охотники приходят в города и участвуют в городских собраниях, и их слово всегда весомо. Говорят, что именно они и убивают большинство демонов, а не благородные, которые погрязли в интригах и ссорах, часто кончающихся войнами. Благородные не трогают охотников и не хотят о них слышать после того случая, когда одна благородная тройка, проведая об огромных богатствах, спрятанных в монастыре, напала на него. Охотники убили трех благородных и разгромили войско, которое те набрали из наемников. Потом кое-кто из

оставшихся в живых наемников рассказывал, что на стороне охотников дрались демоны и что они были огромного роста и невероятной силы и пожирали воинов прямо на поле боя. С той поры много стало ходить слухов про этот монастырь: кто-то рассказывал, что охотники – это люди, заключившие договор с демонами, а кое-кто считает их самих потомками демонов, спрятавшихся от ведуний. Болтают еще, что в самом монастыре есть проход в царство демонов и оттуда они и появляются. Может, и это правда, потому что из монастыря часто слышны странные звуки и голоса. Так что, малец, хорошенько подумай, стоит ли тебе соваться к ним.

– А разве у меня есть выбор? – спросил Врон.

– Не знаю, – пожал плечами старик. – Я думаю, что выбор есть всегда, если хорошо поразмыслить. Я мог бы, например, взять тебя к себе работником. Парень ты, я вижу, неплохой, крепкий и выносливый, вон уже сколько времени идешь рядом, а так и не попросился на телегу. А я вот стар, мне уже тяжело управляться со своим хозяйством...

– А что, в вашей деревне нет гадалок? – спросил Врон.

– Ведуньи-то? – улыбнулся старик. – Есть, как им не быть. Только ведунья в нашей деревне моя родственница, она, я думаю, не откроет никому твой секрет, если я ее об этом попрошу.

Врон задумался, потом отрицательно мотнул головой:

– А если все-таки она не сможет это сделать, что тогда? Я же и сам не знаю, почему наша гадалка на меня показала.

Вдруг и вправду во мне течет кровь демона? Может быть, и я в какое-то полнолуние сойду с ума и начну всех убивать?

– Да нет, – сощурился старик. – Не похож ты на полукровку, думаю, что ты просто чем-то вашей гадалке не угодил.

– Не хочу я вас подводить, – покачал головой Врон. – А вдруг на самом деле что-то во мне не так?

– Если передумаешь, то ищи деревню Стронго, а в ней Гранда, это я, – улыбнулся старик. – Может быть, мы все-таки уломаем мою родственницу не отдавать тебя стражам. И, в любом случае, она расскажет, что с тобою не так.

– Если меня не примут охотники, я найду вас, – сказал Врон.

– Договорились, – кивнул старик. – А сейчас, видишь, показались стены, это мы подъезжаем к городу. Тебе лучше свернуть вон к той роще, оттуда и начинается та обходная дорога, про которую я тебе говорил. Впереди городская застава, а на ней по обычаю стоят стражи и ведуньи – как бы какая-то из них тебя не заметила, а у них глаз острый.

– Большое вам спасибо, – сказал Врон и низко поклонился. – Я очень благодарен вам за то, что вы со мной поговорили, теперь у меня на душе стало легче.

– Буду ждать тебя, малец, – ответил старик и покатиł дальше к городским воротам.

Врон сошел с каменной дороги и зашагал к роще, а телега со стариком покатиłась дальше к высоким городским стенам.

От роши действительно отходила проселочная дорога, поросшая густой травой, она огибала город, и видно было, что ею давно никто не пользовался. Дорога была укрыта со всех сторон густым кустарником и совершенно безлюдна. Врон тут же снял сапоги, рваную рубаху и побежал.

Он мчался по дороге весь жаркий день и никого не встретил, а тело его все еще было полно силы и энергии. Он ни разу нигде не останавливался, только на исходе дня, когда солнце уже спряталось, окунулся в ледяном ручье, пересекавшем дорогу, охлаждая разгоряченное тело и вбирая кожей воду.

Когда наступила ночь, бежать стало намного приятнее, потому что было не так жарко, как днем, и можно было уже не бояться встретить людей. К тому же появились комары и мошка.

Никогда до этого Врон не мог и подумать, что появление этих насекомых будет его так радовать. Его телу нужна была пища, и теперь он с избытком получал ее от них.

Когда солнце взошло, он уже стоял у высоких каменных стен следующего города – Бурса, так его назвал старик. Врон оделся и стал ждать какого-нибудь раннего путника, чтобы узнать дорогу к монастырю охотников.

Но, прежде чем он увидел кого-нибудь, открылись ворота города, и оттуда вышли стражи, лица их были суровы, а руки крепко сжимали длинные копья. Вдалеке, среди высоких каменных домов Врон увидел пожилую женщину, спешащую

к воротам.

«Это уж точно ведунья, – подумал Врон. – Если она меня увидит, то может что-нибудь учуять. Лучше мне поспешить».

Он низко поклонился и спросил ближайшего стража:

– Вы не скажете, где находится монастырь охотников за демонами?

– Охотники? – удивленно поднял брови страж. – Зачем такому юнцу понадобились охотники? Если где-то рядом с вашей деревней появились демоны, то по закону ты сначала должен об этом рассказать нам – стражам, а только потом спешить к охотникам.

– У нас нет демонов, – коротко сообщил Врон, настороженно глядя на приближающуюся ведунью. – Но мне все равно нужно в монастырь.

– Ну, если тебе очень нужно, – усмехнулся страж, – то иди дальше вдоль стены, увидишь тропинку, она выведет тебя к мощеной дороге, эта дорога и ведет в монастырь. Так зачем все-таки тебе нужен монастырь охотников?

– Спасибо, – пробормотал Врон и быстро зашагал прочь от ворот.

– Стой! – услышал он и оглянулся. Ведунья уже добралась до ворот и теперь впилась в него недобрыми глазами, а стражи спешили к нему, держа наготове копья. Врон не стал ждать, когда они к нему приблизятся, и побежал вдоль городской стены.

Сзади послышался истошный крик, потом мимо него пролетела стрела и воткнулась в землю, дрожа оперением. Врон резко свернул в кустарник и, быстро скинув с себя одежду и сапоги, побежал так быстро, как мог.

Крики сзади стали стихать, он немного замедлил ход, и вовремя, потому что если бы он продолжал бежать так же быстро, то легко бы проскочил мимо малозаметной, заросшей травой тропинки.

Тропинка долго петляла между деревьев и высокого кустарника, постепенно она стала более широкой и вывела его прямо на мощенную камнем, прямую, как стрела, дорогу. Он долго бежал по ней, пока она не уперлась в высокую каменную стену, в которую были встроены массивные железные ворота.

Старик был прав, когда говорил, что человек не мог построить такое. Камни, лежащие в основании стены, были огромны, их не смог бы поднять не только один человек, а даже целая сотня.

Это были скорее куски скал, чем камни, а высотой стена была больше любого дерева в лесу.

В воротах была прорезана небольшая калитка, около которой на цепи висел деревянный молот.

Врон надел сапоги и рубаху и робко постучал молотом по железной двери. Вокруг стояла такая тишина, что ему самому его стук показался громом. Подождав немного, он постучал еще, на этот раз чуть громче, но и тут ничего не произо-

шло. Тогда Врон начал молотить по двери изо всех сил.

Неожиданно калитка заскрипела и открылась. Сначала показалась длинная костлявая рука, которая ловко выхватила деревянный молот из ладоней Врона, а потом появился и сам обладатель этой руки – высокий худой старик в черной хламиде.

– Зачем стучишь? – спросил он, мрачно разглядывая Врона.

– Мне нужно к вам, – испуганно ответил Врон. – У меня беда.

– Беда? – спросил старик. – У нас у всех беда, только у каждого она разная. У тебя она какая?

– Меня выгнали из деревни, – помедлив, выпалил Врон, опустив глаза. – Гадалка сказала, что во мне свет.

– Свет, говоришь. – Старик покачал головой. – Она тебе наврала, в тебе нет света. Но если даже это правда, то нам-то что из этого?

– Как что? – растерялся Врон. – Но меня выгнали из деревни, и мои родные отказались от меня. Теперь мне негде жить, и я подумал, что вы сможете меня принять. Вы же принимаете всех, кому в жизни не повезло?

– Тебя обманули, – ухмыльнулся старик. – Мы уже давно не принимаем к себе никого, и единственное наше желание, чтобы нас оставили в покое. К тому же ты врешь, тебя не выгнали, а убили...

– Меня выгнали! – испуганно воскликнул Врон.

– Ну, ври дальше, если тебе этого хочется, – усмехнулся старик. – Только когда-нибудь все равно придется кому-то сказать правду. Разве нет?

– Как вы узнали? – растерянно спросил Врон, осторожно пятясь назад.

– Мы, охотники, знаем многое, в этом тоже наша сила. – Старик с усмешкой посмотрел на Врона. – Кстати, ты можешь войти, но если ты думаешь, что у нас тебе будет хорошо, то ты ошибаешься. У нас есть свое кладбище внутри, и многие сюда входящие очень скоро оказываются на нем, потому что мы их убиваем.

– Зачем? – Внутри у Врона все похолодело. – Зачем вы всех убиваете?

– Мы убиваем не всех, а только очень настойчивых, таких как ты. – Старик широко распахнул калитку. – Многие стремятся к нам, а потом вдруг понимают, что попали совсем не туда, вот мы им и помогаем вернуться, только несколько другим путем. И это единственный путь возврата для тех, кто понял, что он пришел не в тот монастырь, через кладбище... Так ты заходишь или передумал? Кстати, ты знаешь о том, что если бы ваша гадалка увидела тебя сейчас, то она бы сказала, что теперь в тебе только тьма и тени. Свет, если он и был в тебе, победила тьма...

Старик перевел взгляд с него на солнце и вздохнул.

– К тому же, если бы в тебе был свет, то мы бы тебя не приняли, – сказал он. – А так, входи...

– Мне нужно немного подумать, – пробормотал Врон, делая еще несколько шагов назад.

– Думай, – сказал привратник и захлопнул калитку. – Надумаешь войти, постучи, только на этот раз не так громко, я буду рядом.

Врон сел на каменную площадку и задумался.

Он прошел, точнее пробежал, огромное расстояние – и ради чего? Что он ждал от охотников? Что его примут с распростертыми объятиями?

Но оказывается, что он и им не нужен...

Везде его ждет смерть, так какая разница, умрет он здесь или в другом месте?

Врон грустно усмехнулся и взял в руки молот, калитка распахнулась после первого же удара, и старик недовольно покачал головой.

– Ты слишком быстро думаешь, – проворчал он. – Я даже не успел дойти до своей любимой скамейки.

– Я долго шел к вам, и больше мне идти некуда, – сказал Врон. – Если вы хотите меня убить, то убивайте.

– Что ж, если тебе так хочется умереть и ты не нашел для этого другого подходящего места, – проговорил старик, – то что ж, входи, смерть не заставит тебя долго ждать.

Врон неуклюже протиснулся мимо старика. Сзади послышался стук – пожилой привратник задвинул засов.

Врон огляделся. Он стоял в огромном пустынном дворе, покрытом булыжником, а прямо перед ним высилось высо-

кое здание монастыря с узкими окнами-бойницами.

– Ну, раз ты сделал свой выбор, – услышал он за спиной голос старика, – дальше твою судьбу решать будем мы – или бог, что, в общем-то, одно и то же.

– Решайте, мне уже все равно, – вздохнул Врон. – Мне кажется, что я уже ничего не боюсь.

– И тут ты тоже ошибаешься, – возразил старик. – Мы найдем все потерянные тобой страхи и вернем их тебе обратно.

Врон увидел каменную скамью, стоящую у здания, и сел на нее, его ноги дрожали от волнения и подкашивались. Он верил словам старика и в очередной раз пожалел, что пришел сюда.

Но что сделано, то сделано. Обратно, похоже, ему хода нет, хотя кажется, что стоит перебежать двор, откинуть заставы и выскочить из ворот...

– Это хорошая мысль, – засмеялся старик. – Еще не поздно. Я, так и быть, открою тебе калитку. Беги, сохранишь жизнь!

Врон грустно усмехнулся. Куда ему бежать? За стенами монастыря живет множество гадалок, и рано или поздно одна из них покажет на него. А что будет после этого? Осиновый кол в сердце? Столб и облитые маслом дрова? У Врона даже навернулись слезы от обиды.

– Я не побегу, – мрачно изрек Врон.

– И это тоже твой выбор, – улыбнулся старик. – Но и у

нас смерть может быть не менее мучительна, чем за стенами. Сейчас охотники закончат свою трапезу и выйдут во двор, и ты сможешь убедиться в том, что я не шучу.

Врон кивнул и поерзал, устраиваясь поудобнее на скамье.

... Снова приходится ждать, даже собственной смерти, хорошо еще, что пожиратель душ научил его терпению и тому, что от него ничего не зависит, все происходит само собой...

В конце концов, так ли много от него зависело в этой жизни?

Он родился в бедной семье и, когда вырос, стал неплохим охотником просто потому, что еды в доме всегда не хватало. Их небольшой участок земли не мог прокормить их всех, так что выбора у него не было: либо он должен был охотиться, либо испытывать постоянный голод.

Единственное, что по-настоящему и непоправимо изменило его жизнь, – это были слова гадалки. Но и это не зависело от него...

Открылись двери храма, и во двор стали выходить люди, их было много, они были одеты в черные хламыды и выглядели странно, даже для монастыря охотников.

Одни были невероятно высокими, другие ростом с ребенка, но с лицами старцев, а третьи хоть и казались вполне обычными, но и в них ощущалось что-то чужеродное.

Если бы эти люди оказались в его деревне, Врон был уверен, что их сразу отвели бы в долину пожирателя душ, как только их увидела гадалка. Но они остались в живых, это зна-

чит, что охотники дали им этот шанс. И он должен быть внимателен и осторожен, тогда, вполне вероятно, этот шанс появится и у него.

Среди обитателей монастыря попадались и женщины; они улыбались, разглядывая его, и, похоже, отпускали шуточки в его адрес, потому что каждое их слово вызывало смех.

Ни один охотник не приблизился к нему – наоборот, они старались держаться как можно дальше, словно не они, а он, Врон, нес им угрозу.

Старик рядом усмехнулся:

– И эта мысль верна: пока тебя не проверят патриархи, ты действительно можешь им угрожать. Есть и еще одна причина, о которой ты еще не знаешь. Возможно, кому-то из них придется тебя скоро убить, поэтому никто не хочет приближаться к тебе, а вдруг у них возникнут к тебе добрые чувства?

Врон грустно улыбнулся. «Разве могут возникнуть добрые чувства ко мне? – подумал он. – Я – урод...»

– Они тоже уроды, – возразил старик. – Каждый по-своему, только мы их такими не считаем. У них есть способности и сила, у некоторых, кроме того, есть острый ум и способность к предвидению. Они – хорошие воины, лучшие, как раз потому что они другие.

– Ты что, читаешь мои мысли? – удивленно спросил Врон.

– Да, – утвердительно кивнул старик. – Это не просто, твои мысли скачут как блохи от одной темы к другой, но кое-

что я улавливаю.

– Вряд ли я кому-то опасен, – сказал Врон. – Наоборот, все вокруг опасно для меня.

– Как знать, – улыбнулся старик. – То, что ты сам не знаешь себя, совсем не говорит о том, что ты беспомощен и слаб.

– Если я останусь жив, смогу ли и я научиться читать чужие мысли, как ты? – спросил Врон с интересом. Старик пожал плечами:

– Это мой дар, поэтому я встречаю всех, кто стучит молотом в дверь. Я не знаю, смогу ли я научить тебя, это не каждому дано. И для этого ты должен жить с нами, а это решаю не я, я всего лишь ухо, которое слышит, глаз, который видит, и только... Решать будут патриархи, они старшие в нашем монастыре, их слово последнее на любом совете. Они уже идут к нам.

Двери храма в очередной раз отворились, и оттуда вышли три старика. Они были облачены в воинские доспехи, хоть и было видно, что латы тяжелы для них.

Подойдя поближе, патриархи долго и внимательно рассматривали Врона старческими, слезящимися от напряжения глазами.

– Ты не ошибся и сегодня, привратник, впустив его, – разом сказали они старику. – Он действительно необычен и может быть нам полезен. – Потом они, заулыбавшись, посмотрели на Врона.

– Кто ты, юноша? – спросил один из них. Врон поднялся и низко поклонился.

– Меня назвали Вроном в честь этой вездесущей птицы, – сказал он. – Должно быть, мои родители надеялись, что я вырасту таким же смелым и мудрым. Они ошиблись...

Патриархи переглянулись между собой и рассмеялись.

– Ты прав, юноша, они ошиблись. Если бы ты был умен, ты бы к нам не пришел, хотя иногда бывают исключения, но так редко, что мы их и не помним. Кстати, те умные, что приходили к нам до тебя, все умерли... Но ты храбр, потому что осмелился прийти к нам. Многим глупость заменяет смелость, возможно, это как раз твой случай.

Врон с удивлением разглядывал стариков. Каждый из них был вооружен, и вооружение у них было разное: у одного на поясе болтался длинный меч, у другого в руках было небольшое копьё, у третьего за плечами висел лук. На головах у них были надеты шлемы, которые были им велики и спадали на глаза – старческими высохшими ладонями они постоянно поправляли их.

Из патриархов пока говорил только один, тот, что был с мечом и стоял в центре этой троицы.

– Меня зовут носитель меча, – продолжил патриарх. – Как ты догадываешься, патриарха, что стоит слева, называют носителем копьёя, а того, что справа, носитель лука. Я думаю, что ты легко нас сможешь отличить по оружию, других имен у нас уже нет.

Врон снова низко поклонился. Носитель меча усмехнулся:

– Нам приятен твой поклон, которым ты выражаешь уважение к нам, но ты это делаешь напрасно. Мы еще ничем его перед тобой не заслужили, но вежливость твоя нам понятна, мы оценили ее. Нас, как видишь, трое, и мы – охотники на демонов.

Врон чуть улыбнулся, представив патриархов, воюющих с демонами, у которых кожа, как говорил Слип, такая твердая, что стрелы и копья от нее отскакивают, а про огромную силу демонов он и раньше слышал из разных легенд. Носитель меча улыбнулся вслед за ним:

– Ты прав, юноша, в своей усмешке, сейчас мы бы не справились не только с демоном, но и с человеком. Но я продолжу... Мы —лучшие охотники за демонами. Благородные иногда тоже убивают демонов, но они делают это по собственному желанию, в то время как для нас это долг. Этот монастырь принадлежит нам по праву этого долга. Прежде чем мы подвергнем тебя испытанию, ты имеешь право задать нам любые три вопроса. Мы будем отвечать тебе откровенно, ничего не скрывая, таковы правила. Раз ты пришел к нам, значит, ты имеешь право знать, куда ты пришел.

– Почему люди считают, что вы знаете то, что знают только гадалки? – спросил Врон.

– Потому что мы помним прошлое, знаем настоящее и видим будущее, и иногда мы говорим об этом с людьми, – ответил носитель копья.

– Что за испытание вы для меня приготовили?

– Ты будешь сражаться за свою жизнь с кем-то из наших охотников, бой будет длиться до смерти одного из участников. Это неплохое развлечение для всех, а кроме того, способ проверить, насколько хорошо наши охотники освоили воинское искусство. Твой последний вопрос?

Врон вздохнул:

– У меня больше нет вопросов, и я думаю, что больше никогда и не будет. Я не умею владеть мечом, луком владею только как охотник, а копьё ни разу в жизни не держал. Я не воин, поэтому меня убьют.

Патриархи заулыбались:

– Возможно, если не вмешается кто-то обладающий большей силой и властью, чем мы. Иногда это бывает... А теперь скажи нам, с кем ты хочешь сразиться: с лучшим из наших охотников или с худшим?

Вопрос оказался настолько внезапным, что у Врона даже рот открылся от неожиданности.

Он задумался.

... Если он выберет самого слабого, то, вероятно, у него появится шанс остаться в живых.

А если он выберет самого сильного, то у него не будет никаких шансов. Почему они задали ему этот вопрос? И как он на него должен ответить? Даже самый слабый охотник намного сильнее его, что уж говорить про самого сильного...

– Выбирайте сами, кого вы сочтете нужным, – вздохнул

Врон. – Мне все равно. Патриархи переглянулись:

– Тебе все равно? Почему? Потому что ты настолько силен, что справишься с любым из наших охотников, или ты пытаешься таким образом смягчить наше сердце? Если второе, то это глупо, драться все равно придется...

Врон пожал плечами:

– Нет, я так сказал не потому, что я сильнее, а потому, что слабее, поэтому мне все равно, кто меня убьет.

Патриархи опять переглянулись и недовольно покачали головами, от чего их шлемы еще больше перекосились набок.

– Ты отдал свой выбор нам, и это твоя вторая глупость, поэтому мы тоже от него отказываемся. Пусть выбирает случай. Воины кинут жребий, если ты не возражаешь...

– Я уже сказал, что мне все равно, кто меня убьет, – ответил Врон и сел снова на скамью, потому что его ноги снова задрожали мелкой дрожью от волнения и неприятного предчувствия. «Какая разница? – подумалось вдруг. – Смерть есть смерть, это конец жизни, после которого ничего уже не будет».

– Вот тут ты ошибаешься, – усмехнулся носитель меча. – Но мы не будем тебя поправлять, пока это твое право – думать так. Позже если по какой-либо счастливой для тебя случайности ты все-таки останешься жить, то ты, вполне вероятно, будешь думать иначе. А случайности возможны всегда, в этом мире еще не было ни одного боя, в который бы не

вмешался случай. Помни об этом и не теряй надежды.

– Привратник, – обратился носитель меча к старику. – Помоги нам снять с себя это бесполезное железо, а после этого можешь вернуться к своему завтраку, так бесцеремонно прерванному этим юношей.

Старик довольно улыбнулся:

– Позавтракать я еще успею, а вот бой я не хочу пропустить, он обещает быть интересным, хоть и коротким.

Он стал снимать доспехи с патриархов и складывать их на скамью рядом с Вроном. Тот недоуменно уставился на оружие, положенное с ним рядом.

– Разве вы можете быть такими беспечными? – спросил он патриархов, стоявших перед ним в светло-серых хламидах. – А если я сейчас схвачу меч и вас убью?

– Ты можешь попробовать, – улыбнулся привратник. – И это тоже будет твой выбор...

Врон потянулся к мечу, сжал рукоятку и даже вытащил до середины из ножен, потом с тяжелым вздохом вернул меч на место.

– Я не желаю никого убивать и не хочу участвовать в этом бою, – заявил он. – Может быть, вы найдете способ убить меня как-то по-другому?

Патриархи снова переглянулись.

– Ну разве он не глупец? – сказал с улыбкой носитель меча. – Он даже хочет лишиться последнего, пусть даже самого ничтожного шанса.

Носитель копья улыбнулся в ответ:

– Ты прав, он – глупец, поэтому я ставлю свою вечернюю похлебку на то, что он победит.

– Чем вызвано твое решение? – спросил носитель меча. – Я принимаю и отвечаю своей похлебкой, но хотел бы знать.

– Это просто, – ответил носитель копья. – Если он смог прожить до таких лет, не обладая умом, значит, ему покровительствует кто-то из богов.

– Глупое предположение, может быть, он просто жил там, где жизнь легка и приятна? – неожиданно вмешался привратник. – Я тоже ставлю на него свой завтрак, все равно есть его невозможно, когда он уже остыл, но ставлю совсем по другой причине.

– Назови ее, – сказал носитель меча. – Это твой долг – сказать нам, если ты увидел в нем то, что не заметили мы.

– Я назову, но после боя, это не противоречит правилам, а интереса больше, да и вечернюю похлебку патриарха я давно хотел попробовать, – ответил привратник. – А сейчас я скажу только одно: юноша пришел к нам, значит, в нем что-то есть, что мешает ему жить среди нормальных людей, а это может помешать и умереть. Вопрос только в том, насколько он умрет?

– Что значит насколько он умрет? – переспросил носитель меча.

– Я объясню после боя, – сказал привратник.

– Это не по правилам, – возмутился носитель копья. – Ты

что-то определенно знаешь, но не говоришь.

– Я не уверен в своем знании, – помедлив, сообщил при-
вратник. – И поэтому я могу тоже ошибаться в своих выво-
дах.

– Я ставлю свою похлебку на то, что юноша умрет, – ска-
зал носитель лука. – Он слаб и, похоже, не очень умен, раз
пришел к нам.

– Так, две вечерних похлебки против вечерней похлебки и
холодного завтрака, – подытожил носитель меча. – Как будем
выбирать охотника? Я предлагаю выбор последней капли.

– Согласен, – промолвил носитель копья. – Вы, юноша, не
возражаете против этого выбора?

Врон вскочил и пожал плечами, ноги его перестали дро-
жать.

– Я уже сказал, что мне все равно, но я бы тоже хотел по-
ставить на себя, хоть у меня и ничего нет.

– Это еще более забавно, – улыбнулся носитель меча. –
Еще одна вечерняя похлебка, на этот раз охотника? Есть ее
нам опасно, но ставить на кон можно.

– Принято, – ответил носитель копья. – Только, юноша,
вы должны сказать, почему вы ставите на себя.

– Просто потому, что я не жил там, где жизнь легка и при-
ятна...

– Ответ понятен, – сказал носитель копья. – Значит, ты
веришь в чудеса?

– Нет, – покачал головой Врон. – Не верю, но очень хотел

бы поверить.

– Что ж, посмотрим. Чудеса происходят часто, только замечают их немногие, – глубокомысленно изрек носитель меча. – Кто будет проводить выбор?

– Пусть сам юноша и проводит, раз он участвует в нашем споре, – предложил привратник. – Если он участвует, получается, что ему уже не все равно.

– Пусть проводит, – согласился носитель копья.

– Это глупо, – возразил носитель лука. – Вы меняете правила. Если в его судьбе участвуют боги, вы даете им шанс выступить на его стороне. Поэтому если выбор будет проводить он, то я ставлю свою вечернюю похлебку на него.

– Забавно, – улыбнулся носитель копья. – Непредсказуемо. Кто-то должен изменить ставку, иначе выигрыш будет слишком мал.

– Или слишком велик, что даже я не смогу его съесть, – заметил носитель меча. – Я, пользуясь своим правом меча, меняю ставку юноши, теперь он ставит против себя.

– Парадоксально, забавно и глупо, – засмеялся носитель копья. – Как может юноша ставить против себя, понимая, что, проиграв бой, он не получит выигрыш? Он же будет просто мертв. И, кроме того, нужно согласие юноши на эту ставку.

– Я согласен, – сказал Врон и неожиданно для себя самого расхохотался.

Он вдруг осознал, что ему хочется жить среди этих людей:

в них он чувствовал спокойную радость и безмятежность.

И в то же время он понимал, что его смерть, если она наступит, то она будет настоящей. В этом патриархи не шутили, но они разговаривали с ним как с равным, и даже ему на какой-то момент показалось, что они испытывают к нему уважение, которого он конечно же не заслуживал.

– Определенно, юноша очень глуп, – усмехнулся носитель меча. – В этом могут крыться возможности. Итак, ставки сделаны, юноша проводит выбор последней капли. Кто-то еще что-то хочет сказать?

– Что это за выбор последней капли? – спросил Врон. – Мне бы хотелось это знать.

– Он очень прост, – улыбнулся носитель меча. – Ты нальешь в кувшин воды и дашь его нашим охотникам – тот, кто выпьет последнюю каплю воды, и будет твоим соперником. Мы не знаем, кто захочет пить эту воду, кто выпьет много, а кто мало, и не знаем, сколько воды ты нальешь в кувшин. Много неизвестных, поэтому и выбор непредсказуем. Кувшин тебе дадут, воду ты наберешь из колодца.

– Ну, не так уж он непредсказуем, – возразил носитель копья. – Пить будут только те, кто захочет участвовать в поединке, поэтому предлагаю усложнить: пить будут все и только по одному глотку.

– Принято, – ответил носитель меча. – Ты удовлетворен ответом, юноша? Врон кивнул:

– Это странный жребий, может быть, мне повезет хоть раз

в жизни, правда, я и не знаю, в чем будет состоять это везение.

Патриархи рассмеялись:

– Мы тоже этого не знаем, в этом и состоит загадка жизни и судьбы.

Привратник отвел его к небольшому колодцу за домом и дал ему высокий глиняный кувшин. Врон наполнил его до верха.

– Это чтобы хватило всем желающим напиться, – пояснил он привратнику. Тот пожал плечами.

– Это твой выбор, и только боги знают, правильный он или нет. Ты веришь в то, что существуют боги, юноша?

– Если они есть, то ко мне они слишком жестоки, – сказал Врон с тяжелым вздохом.

– Как знать, как знать, – заметил привратник. – Замыслы богов непонятны нам, смертным, и чаще всего как раз боги подвергают жестоким испытаниям тех, к кому они расположены. Быть любимцем богов тяжело и очень опасно, а ты очень похож на их любимца, если судить по тому, как ты из одной неприятности легко попадаешь в следующую, более худшую...

– А я считал, что все наоборот, что жизнь у любимцев богов легка и приятна, – вздохнул Врон. – Скажите, а каким оружием мы будем драться?

– Этот вопрос ты должен был задать патриархам.

– Наверно, – нахмурился Врон. – Но тогда мне было все

равно, как меня убьют, а сейчас почему-то стало любопытно.

– Скоро ты это узнаешь, а я не могу тебе ответить, потому что патриархи и в этот выбор могут внести случай, – усмехнулся привратник. – Что ж, узнаем, кого из охотников выберет твоя капля воды.

За то время, что они отсутствовали, во дворе многое изменилось. Патриархи теперь сидели на скамье, а вокруг них толпились охотники, и, как показалось Врону, их стало значительно больше.

Привратник сказал:

– Вот видишь, они вызвали даже тех охотников, которые обычно не участвуют в схватках. Тебе придется трудно, юноша: если капля воды выберет их, у тебя не будет даже малейшего шанса, они очень хорошие бойцы.

Носитель меча кивнул Врону и крикнул:

– Вы должны подойти и отпить из кувшина всего один глоток, тот, кому достанется последняя капля, и будет сражаться.

Врон держал кувшин, а охотники подходили и выпивали по глотку из его рук. Получилось своего рода представление каждого из них; от вида охотников вблизи у Врона холодела кожа, а редкие волоски вставали дыбом. Да и внутри себя он испытывал странное ощущение чуждости этих людей.

Почти все они были высокими, намного выше среднего человеческого роста, и, по всей видимости, обладали невероятной физической силой; попадались и маленькие, хоть их

было всего несколько человек, некоторые из них доставали ему всего до пояса. Кожа у охотников была разных цветов, от желтого до черного, и была тверда, шершава и горяча, и их прикосновение обжигало его кожу.

У многих были нечеловеческие зрачки, сейчас у некоторых от яркого солнца они превратились в узкие вертикальные щели. Носы тоже были разных форм: от едва заметных бугорков до больших, занимающих пол-лица, с широко раздувающимися ноздрями.

Среди охотников было много женщин, и они тоже были разного цвета кожи, роста и силы.

Врон настолько увлекся разглядыванием охотников, что даже не заметил, как кувшин опустел. Последний глоток выпил огромный верзила с зеленой твердой кожей, и Врон с ужасом подумал, что это и есть тот, с кем ему придется сражаться.

Но носитель меча отрицательно покачал головой:

– Нет, это еще не твой соперник, это выбор капли, а не глотка. Всегда, когда выпита вся вода, остается хотя бы одна капля, а в большом кувшине их остается много. Сейчас только и начнется настоящий выбор: капли каждому по капле в ладонь: кому достанется последняя, тот и будет твоим соперником.

Капель в кувшине действительно было еще много, и последняя из них досталась девушке со светло-русыми волосами – она была среднего роста и нормального цвета кожи, ни-

каких уродств Врон не сумел в ней заметить.

Он не хотел с ней сражаться, поэтому долго тряс кувшин, но больше ни одной капли из него так и не вытекло.

– Выбор сделан, – торжественно объявил носитель меча. – Боги милосердны к тебе, как мы и предполагали. Ласка не обладает большой физической силой и не имеет воинского опыта, она пришла к нам совсем недавно. Я бы также не назвал ее самым сильным охотником, так что, несомненно, тебе повезло. Но считать ее слабой я бы тебе не советовал, у нее есть свои достоинства. Поскольку выбор был сделан случайно, чтобы уравновесить случай, Ласка сама выберет то оружие, которым она будет сражаться.

Носитель меча посмотрел на девушку:

– Ласка, ты готова сражаться с пришельцем до его или твоей смерти? Ты готова умереть, если будешь не очень умелой?

Девушка вместо ответа сбросила свой балахон и осталась в одной набедренной повязке. Врон даже зажмурил глаза от неожиданности, до этого момента он еще никогда не видел обнаженных женщин. Девушка звонко рассмеялась.

– Смерть придет ко всем, рано или поздно. Смерть в бою не худшая. А этот юноша стыдлив и неопытен, я думаю, что победа будет за мной.

Носитель копья покачал головой и согласился:

– Действительно, он стыдлив и неопытен. Но ты видишь только внешнее, смотри, как тебя учили, в его внутреннюю суть. Не делай ошибки, он совсем не тот, кем кажется.

Девушка нахмурилась и закрыла глаза: когда она их открыла, в ней уже не было веселья, а только сквозила мрачная готовность к бою. Она перевязала свою крепкую и очень привлекательную грудь полоской ткани, чтобы та не мешала ей двигаться в бою, и поклонилась Врону.

Когда она подняла голову после поклона, в ее ладонях сверкнули два легких меча. Врон ошеломленно встрепенулся: он даже не заметил, откуда они у нее взялись.

– Раз Ласка взяла мечи, дела твои плохи, – шепнул прихватчик за его спиной. – Она очень ловко ими пользуется.

Девушка еще раз поклонилась и вышла на середину двора. Врон посмотрел на старика, тот пожал плечами.

– Это был ее выбор и ее право, – сказал он. – Тоже хочешь меч или будешь просто стоять и ждать, когда она тебя убьет? Если таково будет твое решение, то ты выиграешь наш спор, хоть и не сумеешь насладиться выигрышем.

– Я возьму меч, хоть и не умею им пользоваться, – проговорил Врон.

– Один меч? Два, как у нее?

Врон задумался – он представил себя с двумя мечами и понял, что тогда он уж точно не будет представлять, что с ними делать. Он просто запутается, и, пока он будет думать, какой из мечей он пустит в ход, девушка его просто разрежет на куски.

– Один, – едва слышно сказал он, решив про себя, что, в сущности, меч – это просто нож, только большой, а ножом

он умеет пользоваться.

Из толпы к нему подошел рослый охотник со зрачками, похожими на зрачки кошки, и положил перед ним три меча. Врон подержал их в руках и выбрал самый легкий, решив, что, по крайней мере, раз он сможет им вертеть, то, значит, и сумеет как-то защититься.

– Итак, – услышал он за своей спиной голос носителя меча. – Сейчас перед нами произойдет поединок между Лаской и вновь пришедшим к нам и потребовавшим укрытия по праву непохожести на других людей юношей. Поединок может закончиться только смертью одного из участников, если только кто-то из патриархов не остановит его...

«Значит, не обязательно поединок должен окончиться смертью, – сообразил Врон. – Патриархи не сказали мне что-то важное, то, что я должен был знать. Я мог бы догадаться об этом раньше, многие охотники по своим физическим данным просто не смогли бы оказаться в монастыре, если бы им пришлось драться, как мне».

– В каком случае вы останавливаете поединок? – спросил Врон у носителя меча. Тот улыбнулся.

– Ты не задал этот вопрос раньше, когда у тебя было право на ответ, а теперь его у тебя нет. Иди, сражайся и умирай, думая о том, остановим мы поединок или нет. Это должно придать тебе силы, теперь у тебя есть надежда, а знание только добавило бы сомнений.

Врон мрачно выругался, глядя в спокойное беззаботное

лицо патриарха, и вышел на середину двора.

Девушка внимательно следила за каждым его шагом, на ее лице застыло выражение мрачной настороженности.

Едва он принял, как ему казалось, какую-то боевую стойку, как она рванулась к нему; прежде чем он понял, что происходит, она уже отскочила назад, легко увернувшись от его меча, а на его теле появилось несколько достаточно глубоких ран, из которых бурно пошла кровь.

Его тело тут же закрыло раны и начало их залечивать; внутри у него все похолодело, а резкая боль напомнила о том, что смерть близка. К тому же он почувствовал, как ему мешает его одежда, ему не хватало воздуха...

– Разреши мне раздеться, – попросил он девушку.

Ласка только усмехнулась и вместо ответа снова скользнула к нему и нанесла ему еще несколько порезов. Раны не были смертельными, но они должны были его обескровить и ослабить. Его тело справилось и с этими ранами, быстро закрыв их, но он все больше ощущал внутри себя боль и слабость.

– Пусть он разденется, Ласка, – слышался голос носителя меча. – Ты же видишь, что он всего лишь неоперившийся юнец, а не воин, к тому же медленно думает.

Девушка чуть кивнула и отступила на несколько шагов назад, продолжая настороженно следить за каждым ее движением.

Врон неуклюже разделся, сбросил окровавленную и посе-

ченную мечом в нескольких местах рубашку, снял такие же рваные и окровавленные штаны, а потом, сев прямо на брусчатку, снял сапоги, в которых уже хлюпала кровь. Он остался в одной набедренной повязке и сразу почувствовал себя свободнее.

Раны на груди, ногах и руках уже затягивались, и по мере восстановления его тела прибавлялись и силы. Он потоптался на камнях, привыкая к ощущению шершавого камня под ногами, потом грустно улыбнулся и встал напротив Ласки.

Девушка тут же, без предупреждения рванулась к нему. На этот раз он успел отбить удар правого меча, но левый меч прочертил на его груди очередную кровавую борозду. Пока он беспомощно топтался на месте, Ласка снова напача на него, и теперь его меч ему не помог. Сделав обманное движение, на которое он легко поддался, девушка снова нанесла ему два удара: один в ногу, один в руку.

Его тело пронзила новая боль, рука на какое-то мгновение бессильно повисла, и Ласка тут же этим воспользовалась, нанеся ему два новых удара, опять в руку и в ногу. Врон охнул, покачнулся, раненая нога отказала, и он упал на колени. Девушка тут же ударила несколько раз в плечо, в грудь и в спину.

У Врона по всему телу выступила кровавая слизь, его организм уже не успевал зарастивать раны, голова кружилась от недостатка кислорода. Он не мог встать и только беспомощно следил за девушкой, которая хладнокровно продол-

жала наносить ему удары.

Потом он опрокинулся на бок, а Ласка, подпрыгнув, вонзила меч в его сердце. Он умер...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Мы – лучшие охотники за демонами, и наш монастырь создан самим Рисом в первые годы своего правления. История его создания, как и вся наша история, – тайна для всех, только немногие избранные знают почему. Причина проста: все охотники за демонами являются полукровками, полулюдьми-полудемонами, так повелел Рис Мудрый.

Все остальные, в том числе и благородные, не являются полукровками. Благородные тоже разбиты на тройки, и их история – это история учеников Риса Мудрого, и к нашему монастырю она отношения не имеет.

Когда наш мир наводнили полукровки, Рис принял закон, по которому ведуньи должны были различать тех, кто несет в себе кровь демонов, и отправлять их на смерть посредством огня или осинового кола. Но одновременно Рис приказал, и этот приказ был тайной для всех, кроме самих ведуний: по этому закону каждая из ведуний должна была дать шанс полукровке сбежать от возмездия. В то же время Рис отдал первым полукровкам эту крепость, объявив ее монастырем охотников за демонами.

Все мы, кто жил, живет и будет жить в этом монастыре, обязаны своей жизнью Рису Мудрому, помните об этом.

Мы – лучшие охотники за демонами только потому, что мы сами наполовину демоны, мы обладаем силой и быстротой демонов, и мы обладаем хитростью и умом людей, и в этом наша сила.

Никто из людей, независимо от того, благородные они или нет, не смеет напасть на наш монастырь, он охраняется законами Риса Мудрого. Но если такое нападение все-таки произойдет, то в наших законах сказано – и этот закон подписан собственноручно Рисом мудрым, – что мы должны защищать свой монастырь от людей так, словно мы защищаем его от демонов. И вся наша сила, быстрота и ум должны быть использованы для его защиты.

Тот же закон защищает и тех охотников, которые выполняют свою задачу вне стен монастыря. Они имеют право на защиту и имеют право потребовать от любого благородного этой защиты и любой необходимой помощи.

Именно по этому закону благородные отправляют каждую осень к монастырю обозы с зерном.

Если благородные или любой другой человек откажут в помощи и защите охотнику, то монастырь имеет право наказать любого из них всей своей силой за этот отказ. Таков закон Риса и монастыря охотников за демонами.

Из книг монастыря охотников за демонами.

Когда сознание вернулось к нему, был уже вечер. Он ле-

жал на каменной скамье во дворе, привратник сидел рядом, поливая его холодной водой.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил старик, увидев его раскрывшиеся, мутные, ничего не понимающие глаза. Врон с трудом собрался и вдумался в то, что ему только что сказали.

Слова сначала показались ему просто набором звуков, но потом в них появился смысл. Врон вздохнул и закашлялся, сплевывая кровавую слюну. Привратник недовольно покачал головой и снова полил его водой из кувшина.

Врон закрыл глаза и мысленно осмотрел свое тело. Он был жив, это ему уже было понятно, грудная клетка все еще болела, как и сердце, но боль уже была терпима, значит, его тело уже залечило смертельную рану.

Ноги, руки, плечи тоже ныли – там раны еще не были залечены. Гудела голова, видимо, мозг долго оставался без кислорода, и многие клетки погибли. Сейчас они восстанавливались, но медленно, потому что не хватало «строительного материала» – кроме воды, ему срочно нужна была пища.

Врон собрался с силами и простонал:

– Хочу есть.

Говорить нормально он еще не мог.

– Конечно, – улыбнулся привратник. – Я так и думал, что ты вряд ли откажешься от своего выигрыша. Ты будешь есть вечернюю похлебку патриарха, я добавил в нее еще разных трав и мяса. Думаю, что это как раз то, что необходимо тебе сейчас.

Врон почувствовал ложку у своих губ. Похлебка была теплой и оказалась неожиданно вкусной. Его тело с наслаждением принимало в себя каждую ее каплю.

Проглотив все, что дал старик, Врон через какое-то время почувствовал себя гораздо лучше и снова смог открыть глаза. Над ним светились звезды ночного неба, их периодически заслоняла голова привратника, когда он поливал его тело водой.

– Как он? – услышал Врон женский голос и, с усилием повернув голову, увидел Ласку, сидевшую рядом со скамьей.

– Уже лучше, – ответил привратник. – Возможно, скоро он сумеет встать, и тогда мы отведем его в келью, но полностью он восстановится только через несколько дней, слишком сильно ты его порубила.

Девушка пожала плечами и смущенно улыбнулась.

– Я ждала сигнала, когда можно будет прекратить поединок, но так и не дождалась. Если бы я знала, что его не будет, я бы убила его быстро одним ударом.

– Почему? – прошептал Врон. – Почему ты хотела меня убить?

Ласка протянула руку и погладила его по щеке.

– Таковы правила, я только выполняла свой долг.

– Долг, – прошептал Врон и закашлялся, выплевывая кровавую слизь. Чуть позже он почувствовал себя лучше и даже смог сесть с небольшой помощью привратника.

– Я ошибся, думая, что его тело быстро восстановится,

похоже, что сегодня он не сможет двигаться, – сказал привратник девушке. – Позови Отрога, пусть отнесет его в келью, сейчас ему нужен сон.

Девушка поднялась и исчезла в темноте.

– Скажи, старик, – прошептал Врон. – Почему патриархи не остановили поединок, им же было ясно, что она победит? Зачем нужно было, чтобы она убила меня?

– А спор? – пожал плечами привратник. – А та странность, что была в тебе? Как бы мы узнали, что ты не демон?

– Демон? – удивленно прошептал Врон. – Я похож на демона?

– Нет, не похож. Но полудемоны могут быть и в человеческом обличе, их невозможно отличить от человека. Поэтому и существует поединок. Любое существо, когда оно приближается к смерти, переходит в свою основную форму, и тогда сразу становится ясно, что оно из себя представляет.

– Но я не демон, – устало сказал Врон. – Ты зная это с самого начала.

– Да, я знал, – согласился привратник. – Но другие не знали, и они должны были в этом убедиться.

– А если бы я не мог оживать, что тогда?

– Тогда бы ты умер окончательно, – пожал плечами привратник. – Не осуждай нас, ты не понимаешь слишком многого.

– А как ты догадался, что я не умер окончательно?

– Я слышал твои мысли, даже тогда, когда твое сердце уже

было разорвано мечом и не билось. Они были слабыми и путаными, но они были – значит, твой мозг продолжал жить. Из твоих мыслей я и узнал, что тебе для оживления нужна вода.

– Я этого не помню, – выдавил Врон.

– Наверно, – улыбнулся старик. – Для тебя это был всего лишь кошмарный сон. Сейчас тебя отнесут в келью, отдохни до утра, а завтра будет новый день, и, думаю, он будет для тебя лучше, чем сегодняшней.

Из темноты появилась Ласка, а вместе с ней огромный мужчина. Он легко поднял Врона и понес на вытянутых руках, как ребенка. Привратник шел впереди, открывая многочисленные двери монастыря.

Они спустились куда-то глубоко вниз, и там его положили на твердый топчан в небольшой комнатке. Врон благодарно улыбнулся и закрыл глаза. Очень скоро он заснул, и сны его были наполнены кошмарами...

Когда он пробудился, раны на теле затянулись, оставив после себя багровые шрамы, но ему уже было известно, что скоро исчезнут и они.

Во всем теле была слабость, да и боль постоянно напоминала о том, что с ним произошло, но он уже мог двигаться. Он с удовольствием еще бы полежал, но кожа покрылась коркой засохшей слизи, и она мешала ему дышать.

Врон с трудом поднялся и вышел из кельи. Где он находился, он не знал, помнил только, что они спускались куда-то

вниз.

Это значило, что комната эта была где-то в подвале, и ему нужно подняться вверх, если он хочет увидеть солнце и найти воду.

Пройдя по узкому темному коридору, он обнаружил лестницу, ведущую наверх, и стал взбираться по узким каменным ступенькам. Его зрение за ночь восстановилось, поэтому он мог видеть в темноте узкие пустынные коридоры,ходящие на этажах от лестницы.

Было тихо, толстые каменные стены прятали все звуки, воздух был затхлым, пах пылью и камнем. Врон был по-прежнему в одной набедренной повязке, покрытой засохшей кровью, но холода не ощущал, скорее ему было жарко и душно.

Когда он преодолел последний пролет лестницы и открыл массивную дверь, то оказался в огромном обеденном зале. Вдоль стен стояли длинные столы и лавки, зал был пуст, только в углу одинокая фигура притулилась у стола.

В окна были вставлены разноцветные осколки стекла, и цветные лучики солнца мешали ему разглядеть, кто это. Он подошел поближе и узнал старика привратника. Тот сидел, опустив голову, и вяло ковырялся ложкой в глиняной миске. Услышав его шаги, старик поднял голову и слабо улыбнулся.

– Хочешь есть? – спросил он. Врон согласно кивнул головой, и старик придвинул ему свою миску.

– Я уже больше не хочу. Эту кашу приготовил я сам. По-

вара еще не проснулись, чтобы накормить тебя чем-нибудь другим, более похожим на еду. Как ты себя чувствуешь?

– Лучше, чем вчера, – сказал Врон и, взяв ложку, стал есть. – Скажите мне, вы всегда заставляете сражаться с вашими охотниками всех, кто к вам приходит?

Старик пожал плечами:

– Не всех и не всегда, иначе в этом монастыре было бы пусто. Каждого проходящего ждут свои испытания, и поверь мне, что они тоже не просты.

– Почему же вы меня убили?

Старик снова улыбнулся, но уже смущенно:

– Вообще-то это была моя идея. Я сразу почувствовал, что в тебе есть что-то, что не позволит нам тебя убить, и мне хотелось это проверить. Твоя смерть подтвердила мои предположения, но мы так и не узнали, почему ты такой и что послужило причиной такого отличия от людей.

Врон отодвинул пустую миску: каши для него было мало, его организм просил еще, но для начала годилась и такая пища.

– Это было жестоко, – сказал он. – Я ничего вам не сделал, ни хорошего, ни плохого, чтобы вы меня убили. Это больно – умирать и оживать после этого.

– Наверно, это больно, – согласился старик. – Но любая боль чему-то учит. А ты знаешь, что сделало тебя таким?

– Это сделал пожиратель душ, – вздохнул Врон. – Если бы вы меня спросили, я бы ответил и так, без поединка.

– Ты бы ответил, – усмехнулся привратник. – А как бы мы узнали, что ты сказал правду?

– Вы же можете читать мои мысли, значит, почувствовали бы ложь.

– Не все так просто, юноша, – улыбнулся старик. – Люди часто обманывают сами себя, поэтому все равно трудно разобратся, где правда, а где ложь, только читая чужие мысли.

– А вы что, ничего не знаете о пожирателе душ? – спросил Врон. – Вы же – охотники, а значит, знаете все. Старик тихо рассмеялся:

– Мы только тем и отличаемся от других, что понимаем, как мало мы знаем. Всего не знает даже бог. Про пожирателя душ мы кое-что знаем, но совсем немного. Наш монастырь, как и другие крепости, в свое время освободил Рис, а он в своей юности встречался с пожирателем душ. В наших летописях есть упоминание об этом, там сказано, что именно благодаря пожирателю душ Рис стал охотником за демонами. Он, как и ты, мог восстанавливать свое тело, и только благодаря этой способности мог сражаться с демонами и побеждать. Сам Рис мало что рассказывал о пожирателе, как, наверно, и ты не сможешь ничего рассказать. У нас есть карта, где отмечена долина, в которой живет пожиратель душ, и упоминание о законе, который издал Рис сразу после того, как стал королем. По этому закону всех, кто хоть чем-то отличался от обычных людей, отправляли в эту долину. Мы не знаем, почему он издал такой закон, возможно, он надеялся

на то, что в результате появится еще кто-то такой же, как он. Многих людей отправили в эту долину, но, насколько мне известно, никто из них не вернулся из нее живым. Сейчас, насколько я знаю, этот закон больше никем не исполняется.

– Исполняется до сих пор, – хмуро огрызнулся Врон. – Может быть, не во всем королевстве, но в нашей деревне до сих пор всех, на кого показала гадалка, отводят туда.

Старик кивнул:

– Я должен был понять это еще вчера. Выходит, что тебя отправили в Проклятую долину, потому что ты нес в себе какую-то непохожесть на других, и там ты встретился с пожирателем душ, но он почему-то тебя не убил, как и Риса в свое время, и ты стал таким, какой ты есть... Что ж, задумка Риса через много лет все-таки сработала. В мире снова появился тот, от кого будет зависеть судьба разрушенного королевства.

– Как она может от меня зависеть? – удивленно спросил Врон.

– Не знаю, – пожал плечами привратник. – Вполне вероятно, я ошибаюсь, и все это просто обыкновенная случайность, хотя мое предчувствие говорит, что это не так. Слишком невероятны совпадения, но больше всего меня настораживает то, что ты пришел к нам...

– Мне было больше некуда податься, – сказал Врон. – Если бы в этом мире нашлось место, где не действовали бы законы Риса и не было бы гадалок, я бы пошел туда...

– Такие места есть, – усмехнулся привратник. – Но ты пришел к нам, значит, тебя кто-то к нам направил...

– Никто меня не направлял! – возмутился Врон. – Просто я случайно услышал, что вы даете приют тем, кого отвергают другие люди.

– Но тебе же не сказали о том, что мы убиваем большую часть тех, кто к нам приходит?

– Нет, – покачал головой Врон. – Про это мне никто ничего не сказал.

– А во всех окрестных селениях и городах это знают, – улыбнулся старик. – И для того чтобы человек – или не совсем человек – решился прийти к нам, нужно, чтобы ему было уже все равно, жить или умереть. Чтобы это был его самый последний и самый крохотный шанс...

– Но вы же сами только что сказали мне, что вы не всех заставляете сражаться с вашими охотниками?

– Да, это мои слова, – устало кивнул старик. – Некоторых мы убиваем еще до поединка, а на некоторых, тех, кто так и не решился прийти к нам, мы даже устраиваем охоту.

– Почему вы это делаете? – спросил Врон. – Разве человек виноват в том, что он непохож на других? Разве за это обязательно его нужно убивать?

– Иногда это так, – сказал привратник. – Чаще всего у нас просто нет другого выхода. Представь себе, что ты – волк, но еще не знаешь об этом, а мы запрем тебя вместе с овцами в одной овчарне. Как ты думаешь, что произойдет?

– Не знаю, – пожал плечами Врон. – Может быть, и ничего, я же не знаю, что я – волк, и, может быть, никогда не узнаю, поэтому, наверно, и буду вести себя как овца.

– Иногда бывает и так, как ты сказал, – вздохнул привратник. – Но чаще всего в волке просыпается хищник, и это не зависит от его желаний и чувств, просто приходит время проснуться. И вот тогда начинаются страшные вещи. Ты никогда не бывал в тех деревнях, в которых не осталось никого живого, потому что в одном из жителей проснулся демон?

– Мне один старик рассказывал об этом, – ответил Врон. – Но я ему не поверил...

– А это случается, и довольно часто, просто никто не остается в живых, чтобы поведать о том, что произошло. Я часто бывал раньше в этих мертвых деревнях, поэтому не осуждаю вашу гадалку, которая отправила тебя в проклятую долину. И я, как она, спокойно отправляю на смерть тех, в ком дремлет кровавый демон. Благодаря этому люди сейчас стали беспечны, но они по-прежнему живут в пограничных землях, и демоны часто появляются здесь. Мы их убиваем быстро, не привлекая внимания обычных людей, и никому не рассказываем об этом.

– Тот старик еще говорил, что именно у вас находится проход в царство демонов и что вы с ними заодно, – сказал Врон.

– Прохода здесь нет, – усмехнулся привратник. – Он далеко отсюда, и демонов мы не любим так же, как и другие

люди.

– Но теперь-то вы знаете, что я не демон? – спросил Врон. – Теперь-то вы видите, что я – простой сельский паренек, только меня почему-то нельзя убить.

– Это ты так думаешь, – сказал привратник. – Только сейчас ты сельский паренек, в которого вселилось нечто нам неизвестное.

– Никто в меня не вселился, – возразил Врон. – Я только побывал в Проклятой долине и встретился с пожирателем душ.

– Я в этом не уверен, – усмехнулся старик. – Я не знаю, кто ты, и до сих пор не смог определить, насколько ты опасен для нас и других людей. Мы будем наблюдать за тобой и, может быть, в конце концов пойдем и поможем тебе понять, кто ты есть. Мы будем устраивать для тебя новые испытания, чтобы понять, кто ты есть на самом деле, и я пока не знаю, какими они будут. Сейчас я могу только сказать, что мы приняли тебя к нам, ты теперь наша ответственность и, возможно, наша надежда. Поживем – увидим. А вот и повара...

Врон оглянулся и увидел входящих в зал охотников, среди них он заметил и девушку, с которой вчера сражался. Она подошла к ним, поклонилась привратнику, а потом, кокетливо улыбнувшись, спросила Врона:

– Как ты себя чувствуешь?

– Гораздо лучше, чем вчера, – ответил он. – А ты – хороший воин.

– Это неправда, – возразила девушка. – Я не так давно стала учиться ремеслу охотника, здесь многие владеют мечом лучше, чем я.

– Я рад, что ты здесь, Ласка, – сказал привратник. – Ты знаешь правила, ты сражалась с ним, значит, ты и будешь его опекать, пока он не освоится. Сейчас отведи его к бассейну, ему нужно умыться.

– Я помню правила, – кивнула девушка. – Я должна защищать его до тех пор, пока он сам не сможет постоять за себя. Я должна учить его, пока он сам не покажет мудрость большую, чем моя. Я должна опекать его, пока он сам не сможет идти самостоятельно по своей тропе.

– Ты помнишь, – одобрительно заметил привратник. – Сейчас отведи его к бассейну, а после завтрака к патриархам. Они будут говорить с ним, и будь осторожна – он сам не знает, кто он, поэтому его поступки могут быть непредсказуемы. Не удивляйся ничему и помоги ему, если сумеешь.

Ласка окинула взглядом юношу и мягко улыбнулась.

– Иди за мной, отныне ты – моя тень. – Девушка повернулась и зашагала к двери. – Не отходи от меня далеко, иначе тебе придется сражаться.

– Почему я должен с кем-то сражаться? – Врон удивленно уставился на спутницу.

– Пока ты не должен, – вздохнула Ласка. – Поэтому делай так, как я сказала. Позже я тебе все объясню.

Они обошли здание и приблизились к высокому каменно-

му забору.

– Мне нужна вода, – сказал Врон. Ласка остановилась, оглядела его с ног до головы и недовольно покачала головой.

– Ты совсем не слушаешь меня. Ты должен верить каждому моему слову и каждому движению. Поверь мне, это совсем не безопасное место, здесь на тебя в любой момент могут напасть и тяжело ранить или даже убить. Поэтому меньше болтай, больше слушай и наблюдай, это убережет тебя от новых ран.

– Кто на меня может напасть? – спросил Врон.

– Любой из охотников, если посчитает тебя легкой добычей. Все остальное объясню позже, пока просто следуй за мной.

Девушка пошла дальше, а Врон поплелся за ней, по-прежнему ничего не понимая.

Рядом с высоким каменным забором оказался большой бассейн, обложенный отшлифованным камнем. Дна не было видно, хотя вода была прозрачна и свежа. Девушка сбросила с себя черную хламиду и оказалась в одной набедренной повязке. Врон с трудом отвел глаза от ее крепкой полной груди.

Ласка усмехнулась, заметив его взгляд, но тут же настожила, внимательно вглядываясь в воду. Врон шагнул к бассейну, но девушка непустила его, крепко ухватив за руку.

– Сейчас нельзя входить в воду, – сказала она. – Там кто-то есть.

Врон недоуменно пожал плечами: вода была темна и непо-

движна.

– Кто здесь может быть? – спросил он. Девушка вздохнула, от чего ее грудь колыхнулась. У Врона от этого движения в животе что-то сладко завибрировало, и он закрыл глаза, чтобы пропало это ощущение.

Ласка недовольно покачала головой:

– Никогда не закрывай глаза ни от страха, ни от смущения. Я понимаю, что ты чувствуешь. Смотри на меня сколько хочешь. Если тебе это поможет, я могу снять и набедренную повязку, но никогда не закрывай глаза. Это может быть морок, наваждение, которое на тебя нашьют, полукровки часто этим пользуются. – Девушка сбросила последнюю полоску ткани со своего тела. – Смотри сколько хочешь, привыкай к виду женского тела, учись справляться с собой и контролировать себя.

У Врона из груди вырвался странный, непонятный даже для него самый звук, его лицо загорелось от смущения и еще от какого-то чувства, которого он прежде не испытывал.

Да и во всем его теле что-то начало происходить, в нем возникло желание обнять Ласку, прижать ее к себе, поцеловать ее нежные губы. Его плоть напряглась...

– Контролируй себя и свое тело, – строго сказала девушка. – Или я тебя побью.

– Я не могу себя контролировать, – признался Врон, прижимая ладони к набедренной повязке. – Ты слишком красивая.

Девушка рассмеялась.

– Я помогу тебе, – сказала она и ткнула Врона в живот маленьким твердым кулаком.

С трудом распрямившись, он обиженно спросил:

– Почему ты меня ударила, я же ничего тебе не сделал?

– Но это же тебе помогло, – усмехнулась она. – У тебя ведь больше нет проблем с твоей набедренной повязкой?

Врон охнул и вытер выступившие от неожиданности слезы.

– Помогло...

– Значит, я ударила тебя правильно, – улыбнулась девушка. – А теперь смотри.

Ласка подняла камень с земли и постучала по каменному краю бассейна. Стук имел какой-то странный смысл, она сначала стукнула два раза, потом один, а потом три раза.

И сразу после этого вода вздыбилась огромным пузырем, их обдало с ног до головы брызгами.

Врон зажмурился и отпрянул назад, а когда он открыл глаза, то увидел рядом с девушкой большого крепкого мужчину.

Его кожа ярко блестела на солнце, как рыба чешуя, а глаза были прозрачные и выпуклые, как у рыбы. Мужчина мигнул несколько раз, и глаза его стали терять свою округлость, а кожа потускнела.

– Мы не будем с тобой сегодня играть, Отрог, – рассмеявшись, сказала Ласка. – Я не одна.

Мужчина улыбнулся, обнял Ласку и прижал ее к своей

широкой груди.

– Ты привлекательна, как всегда. Поиграем в следующий раз?

– Он – мой долг по закону пролитой крови, – вздохнув, сказала девушка, кивая на Врона. – Пока он не оперится, он всегда будет со мной. Потом, может быть...

– Хорошо. – Мужчина кивнул, отпустил девушку и внимательно осмотрел Врона. – Он слаб, но в нем есть странность. Будь осторожна, он может быть опасен. И кроме того, он покрыт какой-то плесенью, это не изменение демона.

– Он такой же странный, как и все мы, – улыбнулась девушка. – Прими его, он прошел испытание.

Мужчина кивнул и, сделав шаг к Врону, крепко обнял его, прежде чем тот сумел отстраниться.

– Будь сильным, охотник, – сказал он. – Будь хитрым и умным. Ты – часть меня, а я – часть тебя.

Он отпустил его и, не оглядываясь, пошел к монастырю. Врон ошарашенно посмотрел ему вслед.

– Он похож на рыбу, – медленно произнес он. – От него и пахнет как от рыбы.

– Ты прав, – сказала девушка. – Он наполовину морской демон, он и рыба и человек одновременно. Мы все здесь имеем свои отличия от обычных людей, в этом наша сила.

– В тебе я ничего не заметил, – признался Врон. – Кроме того, что ты очень красива.

– Еще заметишь, и, может быть, тогда я перестану тебе

нравиться, – усмехнулась Ласка, потом бросилась в воду и крикнула оттуда: – Теперь здесь никого нет, и ты можешь смыть свою плесень.

Врон нерешительно снял набедренную повязку под насмешливым взглядом девушки и неуклюже шагнул в воду.

Она была холодной, почти ледяной, и у него сразу перехватило дыхание, но вода смыла кровавую слизь, и кожа стала впитывать в себя кислород, растворенный в воде.

Врон засмеялся и нырнул.

Чем глубже он погружался, тем становилось темнее, но его зрение быстро приспособилось, и он по-прежнему видел все вокруг.

Потом у него сдавило ушные перепонки, но это сразу прошло, как только он опустился на дно.

Врон лег на песок и стал смотреть на Ласку, как она плавает наверху. Он отчетливо видел, как играют ее мышцы, как колыхается грудь, и это зрелище наполняло его непонятным для него восторгом.

Скоро девушка забеспокоилась. Она несколько раз нырнула, пытаясь его увидеть, но он знал, что в такой темноте и на такой глубине это невозможно. Врон рассмеялся, выпустив изо рта пузыри воздуха.

Ласка стала опускаться вниз, тогда он, оттолкнувшись от дна, начал подниматься ей навстречу.

Девушка легко вывернулась из его рук и отплыла в сторону, потом, сильно и резко загребая руками и ногами, быстро

поднялась на поверхность. Когда он вынырнул, девушка сидела на краю бассейна, насмешливо улыбаясь.

– Ты хорошо плаваешь, почти как морской демон, но я тоже могу глубоко погружаться и долго обходиться без воздуха, поэтому особенно этим не гордись. В следующий раз я не буду выгонять Отрога из бассейна, и мы немного поиграем в воде. Когда ты увидишь, как он плавает, ты поймешь, как ты неуклюж по сравнению с ним. – Ласка вскочила, надела набедренную повязку и черный балахон. – Пойдем, наступает время завтрака, и тебя ждут патриархи. Врон вылез из воды, отстирал от засохшей крови свою повязку в воде и натянул ее на мокрое тело. То ли ему помогло это маленькое приключение в воде, то ли действительно он стал привыкать к Ласке, но смущения перед ней он уже больше не испытывал, только в груди осталось приятное волнение.

– Ты расскажешь мне, в чем твое отличие от обычных людей? – спросил он. – Пока я вижу только то, что ты очень быстро двигаешься, замечательно плаваешь и очень красивая, но не из-за этого же ты оказалась здесь?

Девушка нахмурилась:

– У нас не принято об этом спрашивать, каждого сюда привела своя беда, и многим неприятно об этом говорить. Право знать имеет только тот, кто войдет в твою тройку, но это просто необходимо, потому что в бою нужно помнить о слабых и сильных сторонах своих товарищей. Ты неходишь в мою тройку, поэтому я тебе ничего не скажу и сове-

тую впредь никого не расспрашивать, это может плохо для тебя кончиться...

– Почему?

– Потому что знание – это тоже оружие, и никто не вложит его в неопытные и ненадежные руки. Ты пока ничем не доказал, что я тебе могу доверять, а это значит, что ты сможешь использовать это знание против меня.

– Ты мне нравишься, Ласка, – сказал Врон. – Я не смогу сделать тебе ничего плохого.

– Да, – вздохнула девушка. – Неплохие слова для того, кто вчера меня мог убить, если бы я была чуть помедленнее и чуть хуже владела мечом.

– Я вчера только защищался, а не нападал, – возразил Врон. – Я даже ни разу не пытался тебя ударить, и ты это знаешь.

Девушка посмотрела ему пристально в глаза, потом со вздохом отвела взгляд.

– Ты просто неопытен, я думаю, что, если бы ты мог, ты бы меня убил, – сказала она, потом задумчиво добавила: – И я буду думать так, пока не пойму, что я в тебе ошибаюсь, иначе здесь нельзя... И еще советую тебе: не будь таким открытым и откровенным, не доверяй никому. Не забывай, что большая часть из нас наполовину демоны, а демоны агрессивны и кровожадны. Бывает, что половина демона, которая находится в нас, побеждает человеческую часть, и тогда мы сражаемся со своими вчерашними товарищами за свою

жизнь. И в таком состоянии мы иногда убиваем своих друзей, и потом, когда сумасшествие кончается, бывает трудно жить дальше. Помни об этом, я тоже не так мила и добра, как тебе кажется.

Ласка опять вздохнула и покачала головой:

– А вчера ты действительно только защищался, и это было глупо... Пойдем, иначе останемся без завтрака, а я проголодалась.

Врон кивнул и тихо спросил:

– Но почему вас тогда собрали здесь, если вам так плохо вместе?

Девушка пожала плечами.

– А кому мы нужны там, за воротами? Каждого из нас преследовали, пытались убить именно за то, что здесь поощряется. Скажи, кто сможет победить демона, если не тот, в ком он тоже есть? Мы – лучшие охотники за демонами, и мы – единственная преграда между людьми и их царством. Мы уже убили столько демонов, что, если бы их выставить на улицах всех трех городов, люди ужаснулись бы, узнав, в какой великой опасности они живут. Если бы не мы, здесь уже не было бы людей, демоны давно бы всех уничтожили. А за это люди нам платят презрением и страхом. Хорошо, хоть иногда привозят еду. А ты сам? Зачем ты к нам пожаловал?

– Меня тоже там убивали...

– Вот видишь, – улыбнулась Ласка. – Ты – один из нас.

Врон скривил губы в усмешке:

– Ну, вы хоть знаете, что в вас живет частица демона, а я даже не знаю, почему я такой.

– Тебе объяснят патриархи. Если кто-то сможет тебя понять, то только они. Пошли завтракать, словами сыт не будешь.

Девушка решительно зашагала к монастырю, и Врон, грустно покачав головой, поплелся вслед за ней.

Просторный обеденный зал был полон. Врон, оглядев собравшихся, понял, что большую часть из них он еще не видел. Они не присутствовали на его поединке и не участвовали в выборе капли. До этого он даже не представлял себе, что в монастыре живет так много охотников.

Ласке многие улыбались и приветливо махали руками, она кивала в ответ, на Врона же смотрели настороженно, не скрывая своей враждебности. Девушка пробралась в угол к длинному столу, за которым едва уместились двадцать человек, села на пустое место и не без труда усадила его рядом с собой.

Ласка грустно усмехнулась и громко объявила:

– Этот юноша – мой долг крови и моя ответственность, он прошел первое испытание, и теперь он наш брат, пока не пришло время прозрения. Будьте с ним вежливы и внимательны, пока он не освоится, такова воля патриархов.

На Врона обратилось много колючих презрительных взглядов, и эти взгляды были разными, потому что разными были и глаза.

Здесь были и кошачьи глаза с вертикальным зрачком, были и змеиные, совсем без зрачка, темные и пугающие, – впрочем, обычных человеческих глаз было гораздо больше.

Цвет кожи у тех, кто сидел за столом, тоже был различный: от черного до зеленого и ярко-желтого. Привлекали внимание и руки, держащие деревянные ложки: у многих были длинные острые когти, которые можно было использовать как оружие.

От такого количества охотников, так мало похожих на людей, у него по телу пробежал легкий озноб. Врон опустил глаза, а когда снова поднял, на него уже никто не смотрел, каждый уткнулся в свою тарелку. Ласка дотянулась до большой глиняной миски, стоявшей посередине стола, и, наполнив чашку кашей, поставила ее перед Вроном:

– Ешь, я знаю, что ты можешь есть обычную пищу. Наверно, сейчас, после твоих ран тебе бы лучше поесть мясо, но оно в монастыре под запретом, слишком у многих после того, как они его съедят, просыпаются кровожадные инстинкты. Нам удастся его поесть только тогда, когда мы на охоте, а это бывает редко...

Врон благодарно кивнул и, потянувшись за ложкой, случайно задел сидевшую справа темнокожую милovidную соседку.

– Будь осторожен, – прошипела она. – Иначе я тебя убью.

У Врона дрогнули руки от неожиданности, он испуганно взмахнул ложкой и рассыпал кашу по столу. Сидящие по-

близости за столом охотники заготовили.

– Извините, пожалуйста, – пробормотал Врон. – Это вышло случайно, я не хотел вас обидеть.

– Ты бы и не смог, даже если бы очень захотел, – усмехнулась темнокожая. – Впредь будь осмотрительней, хорошенько думай, перед тем как что-то делать. Меня зовут Амия, если бы вчера капля выбрала меня, ты бы сейчас не сидел за этим столом, а лежал бы на кладбище под толстым слоем земли.

Врон вздохнул:

– Наверно, так оно и было бы. Простите меня за мою неуклюжесть, впредь я буду осторожен.

Ласка с другой стороны успокаивающе погладила его по руке и сказала:

– Амия, я предупредила всех, в том числе и тебя, что он – мой долг по крови. Не трогай его, он всего лишь неопытный, наивный и добрый паренек. Если ты захочешь его обидеть, то повторяю еще раз нарочно для тебя: он – под моей защитой.

Амия усмехнулась в ответ, показав острые клыки.

– Он неуклюж и слаб, он – легкая добыча, я не трону его, если он и дальше будет так же необыкновенно вежлив. Но, если он еще раз толкнет меня локтем, я убью его. Твоя защита меня не пугает, тебе ведь известно, что я готова драться с любимым за свое право сидеть спокойно за этим столом...

Ласка усмехнулась в ответ, блеснув своими клыками, и, наложив в свою чашку каши, стала спокойно ее жевать.

Врон вздохнул и уткнулся в свою чашку. Монастырь охотников давно уже не казался ему безопасным местом, скорее наоборот, такого количества странных и, по всей видимости, очень опасных людей, если их все же можно назвать людьми, собранных в одном месте, он никогда не встречал.

Стражи деревни, которые до сих пор были для него олицетворением силы и власти, рядом с этими людьми показались бы просто слабыми и неуклюжими щенками.

В этом монастыре каждый был готов убить его, и похоже, что Ласка при всем своем старании вряд ли сможет его защитить.

Врон доел свою кашу и встал, но Ласка, дернув его за локоть, посадила его на место.

– Сиди, пока я не поем. Разве ты еще не понял, что опасно ходить по монастырю без меня?

– Я хотел сходить к бассейну, – сказал Врон.

– Немного подожди, я съем еще несколько ложек каши.

Врон вздохнул. Темнокожая соседка хохотнула:

– Как ты здесь очутился, Врон? Это же не детский приют. Боюсь, что до конца своих дней ты не сможешь обходиться в этом месте без няньки.

– Я пришел сюда потому, – едва слышно ответил Врон, – что надеялся найти тихое, спокойное и безопасное место, где бы я мог как-то жить.

– Ты ошибся, малыш, – улыбнулась Амия. – Даже в змеином гнезде, полном ядовитых змей, гораздо безопаснее, чем

здесь. Но ты прошел первое испытание, значит, ты совсем не так прост и слаб, как кажешься или пытаешься показаться нам всем.

– Я не пытаюсь показаться слабым, – сказал Врон. – Я таковой и есть...

Неожиданно в зале наступила тишина, все охотники встали, и Врон вместе с ними. В зал вошли патриархи. Они неспешно шествовали по центральному проходу, улыбаясь и приветливо махая руками, потом сели за тот стол, где Врон утром ел кашу с привратником.

Амия спокойно продолжила:

– Возможно, я не буду обижать тебя и, наверно, помогу, если на тебя нападет кто-то, с кем ты не сумеешь справиться.

Врон благодарно кивнул:

– Спасибо, я буду помнить об этом. Амия покачала головой:

– Не надо благодарить меня, пока это просто слова, я еще могу и передумать. А сейчас ты должен знать, что у тебя не очень хорошая защитница, многие легко побеждают Ласку в учебных боях, и я в том числе...

– Я же не выбирал ее, – робко возразил Врон. – Ее выбрала капля воды, но она все равно мне нравится...

– Ты прав, ты ее не выбирал, – согласилась Амия. – Но подумай сам: если Ласка так легко порубила тебя своими мечами, то что бы мы сделали с тобой?

– Вы все можете меня убить, это я уже понял, но я не бо-

юсь, – тихо ответил Врон. – Мне просто не нравится с кем-то драться и делать кому-то больно.

– Придется тебе с этим смириться, – сказала Амия. – Мы сражаемся каждый день, и не только на тренировках. Каждый из нас готов при удобном случае напасть на другого, правда, мы при этом стараемся не убивать, это просто игра, но раны от этих игр бывают достаточно серьезные.

– Зачем же вы это делаете? – спросил Врон. – Вам что, нравится причинять друг другу боль?

– И это тоже, – засмеялась Амия. – Но главная причина не в этом, мы охотники за демонами, а это значит, что мы должны быть всегда готовы к нападению сильного и умного противника. Мы не имеем права расслабляться даже здесь, поэтому такая игра не запрещена, хоть это и не совсем игра. Сегодня Ласка вела себя со мной вызывающе, это значит, что я нападую на нее при первом же удобном случае и немного поучу ее вежливости.

– Не трогай ее, пожалуйста, – попросил Врон. – Я не хочу, чтобы ее обижали, она добра ко мне. Амия жестко усмехнулась:

– Если ты не хочешь, чтобы ей сделали больно, защищай ее.

– Вряд ли я смогу кого-то защитить, – вздохнул Врон.

– Тогда, если на нее кто-нибудь нападет, ты должен лечь на землю, и тебя никто не тронет, таковы правила. Врон печально опустил голову. Ласка свирепо уставилась на Амию:

– Я слышала все, что ты сказала. Я буду готова к твоему нападению, если вдруг не решу сама напасть на тебя.

– Буду с нетерпением ждать, – усмехнулась Амия. – Встретимся в бою, охотник на охотника, демон на демона. Ласка зловеще улыбнулась и сурово посмотрела на Врона.

– Ты куда-то спешил?

– Мне нужно умыться, – смущенно ответил Врон, показывая на слизь, которая выступала каплями на теле.

– Тогда поспешим, а то патриархи тебя уже ждут за своим столом.

– Почему все такие злые? – спросил Врон, пробираясь вслед за Лаской между столов. Это занятие требовало от него большой собранности и осторожности. Теперь он уже знал, что будет, если он случайно наступит на чью-то ногу или кого-то невзначай толкнет. – Я же не сделал никому ничего плохого.

– Мы такие от природы, – ответила, усмехнувшись, девушка. – Мы – полукровки, демон живет в каждом из нас, а демонам нравится кровь.

– Многие мне показались вполне обычными людьми.

– Ты всего лишь первый день у нас, ты слеп, ты глуп, и ты новичок, никто от тебя не ждет понимания, но от тебя ждут осторожности и покорности. Если ты будешь вести себя иначе, то тебе придется сражаться.

Около бассейна Врон сразу сбросил свою повязку и нырнул. Он опустился на дно и лежал там, обдумывая все, что

он успел увидеть и понять сегодня, пока вдруг не услышал наверху приглушенный звон мечей. Он вынырнул и увидел Ласку, сражающуюся с Амией.

Обе девушки были обнажены, из одежды на них были только набедренные повязки и пояса с оружием, кое-где на коже уже расплывались красные пятна крови. Ласка сражалась двумя мечами, Амия же использовала длинный кинжал и короткий меч. Два тела – черное и белое – на мгновение сблизились и разлетелись в разные стороны, и кровавых царапин на их коже добавилось.

Обе девушки были быстрыми и ловкими, а их высоким прыжкам позавидовали бы даже акробаты, которых Врон как-то видел на деревенской ярмарке.

Вокруг сражающихся девушек стояло несколько охотников. Образовав плотный круг, они спокойно наблюдали за боем. Одним из них был Отрог, остальных Врон не знал. Он вылез из бассейна и подошел ближе. Тут высокий охотник с ярко-желтой кожей предостерегающе прошипел:

– Еще один шаг, и ты будешь драться со мной. Стой на месте, или я убью тебя. У тебя нет права быть рядом, когда сражаются охотники.

– Новичок под защитой Ласки, – напомнил Отрог. – А это значит, что вся наша тройка будет защищать его.

– Наша тройка тоже здесь, – прошипел ярко-желтый охотник, показывая острые клыки. – Чего тянуть? Защищайте своего новичка.

Отрог сбросил свою хламиду, под которой на ремне висел меч. Ярко-желтый охотник сделал то же самое. Два других, также кровожадно улыбнувшись, встали друг против друга, сбросив одежду и обнажив оружие.

– Я прекращаю этот бой, – неожиданно услышали они голос привратника. Старик внезапно вышел из тени. – Всем спрятать оружие под угрозой наказания, и сейчас же растащите этих диких кошек, пока они не нанесли друг дружке серьезных ран.

Ярко-желтый охотник нехотя вложил в ножны меч, Отрог поступил так же, потом каждый из них схватил одну из девушек в охапку, и они оттащили их в разные стороны. Девушки пытались вырваться из крепких объятий, яростно кусаясь и царапаясь. Старик встал между ними и снова спокойно повторил:

– Бой окончен, я прекращаю его.

– Почему? – выкрикнула Амия. – Я имею право на защиту своего достоинства, новичок толкнул меня, а Ласка его защитница.

– Новичка ждут патриархи, – сказал привратник. – А Ласка обязана сопровождать его. Отныне вашей тройке запрещено нападать на тройку Ласки, до тех пор пока новичок находится в монастыре.

– Почему? – Амия выскользнула из рук ярко-желтого охотника и, сделав шаг к привратнику, взмахнула угрожающе окровавленным мечом. Старик только улынулся.

– Скоро обе ваши тройки уйдут на охоту, – сообщил при-
вратник, спокойно глядя ей в глаза. – Это будет совместная
охота, поэтому вы должны уладить свой спор до того, как по-
кинете монастырь. Произнесите клятву.

Амия яростно фыркнула, сунула меч и кинжал в ножны и
повернулась к Ласке, которую все еще крепко держал Отрог.

– Я разделю с тобой хлеб и все, что добуду, – сказала она
мрачно. – Твой враг – мой враг. Мой меч будет защищать
тебя в бою.

Отрог отпустил Ласку, она встала напротив Амии.

– Твой враг – мой враг, – сказала она с тем же мрачным
выражением. – Мой меч принадлежит тебе.

После этих слов девушки обнялись и сдавили друг друга в
объятиях так, что у обоих выступили слезы от боли. Старик
тихо засмеялся:

– Хватит на сегодня, у вас еще будет время скрестить ва-
ши мечи.

Девушки разомкнули свои совсем не дружеские объятия
и отскочили друг от друга, по-прежнему настороженно сле-
дя за каждым движением соперницы. Потом Амия натянула
на себя черную хламиду, резко повернулась и пошла к мо-
настырю; охотники последовали за ней, подобрав свои бала-
хоны.

Ласка еще несколько раз яростно вдохнула и выдохнула
воздух, потом подошла к бассейну и нырнула в него.

Когда она вылезла из воды, царапины на ее теле уже за-

крывались багровой коркой. Ласка надела на себя черную хламиду и поклонилась привратнику, который с усмешкой наблюдал за ней.

– Она напала первой, – выдавила девушка, – Я не хотела этого боя, я помнила о своем долге.

– Я знаю, – проговорил старик. – Но всегда есть способы избежать нежелательного боя, и ты не воспользовалась ни одним из них. Ваше соперничество становится опасным, но меня забавляет то, что Врон нравится вам обоим.

Привратник повернулся и пошел к монастырю. Ласка тяжело вздохнула и посмотрела на Врона.

– Ну что, убедился, что это место совсем не безопасно? – спросила она.

– Ты очень красивая, – сказал Врон. – И здорово дерешься.

– Амия тоже неплоха в бою, – огрызнулась Ласка. – Она очень опасна.

– Это я уже понял, – заметил Врон.

– Идем к патриархам, – сказала Ласка. – Они все еще ждут тебя.

– Хорошо, – ответил Врон. – Расскажи мне о патриархах. Кто они?

– Я расскажу то, что ты должен знать, – пробормотала Ласка, направляясь легким стелющимся шагом к монастырю. – Патриархи – охотники за демонами, хоть это для них и в прошлом, им по праву долга достался этот монастырь. Когда они

умрут, их место займет кто-то из нас, тот, кто к этому будет готов. Решения патриархов не обсуждаются и являются обязательными для всех. Если кто-то этого не понимает, патриархи всегда находят способ его переубедить. Часто эти способы очень болезненны, но по-другому здесь нельзя. В этом монастыре слишком много тех, кто готов в любой момент пролить чужую кровь, это, я надеюсь, ты уже понял.

– Да, – кивнул он. – Я понял.

– Тогда ты должен еще кое-что понять, – сказала Ласка. – Нам нравится жить в монастыре, мы сражаемся с демонами, когда они появляются на нашей земле. При всей нашей силе и агрессивности мы редко убиваем друг друга. Хотя иногда такое случается, но это бывает и у стражей. И мы любим патриархов, потому что они такие же, как мы.

– Я не воин и никогда не хотел им стать, – едва слышно промолвил Врон. – Похоже, это совсем не то тихое место, которое я искал.

– Я тоже не была воином и не хотела им стать, – возразила Ласка. – Я была тихой обыкновенной девушкой, которую мучили жуткие кошмары в полнолуние, пока на меня не указала деревенская ведунья. Мне удалось убежать из селения, прежде чем меня схватили. Благо был вечер, стражники напились на свадьбе и были довольно неуклюжи. Хорошо еще, что свадьба была не моя, а моей сестры...

– Но ты же просто милая и приятная девушка, что могла ваша гадалка увидеть в тебе? Ласка усмехнулась:

– То, что во мне есть и всегда было. Я и раньше замечала, что я быстрее и сильнее своих сверстников, в том числе и юношей вроде тебя, а теперь я знаю почему. Патриархи показали мне ту себя, о которой я только догадывалась... Но я знаю, что никто никогда здесь не упрекнет меня в том, что я не похожа на других, потому что мы все здесь не похожи на обычных людей, каждый по-своему. Постарайся больше ни с кем не ссориться, ты уже видел, чем это кончается.

– Я попробую, – вздохнул Врон.

Ласка открыла дверь обеденного зала и, подведя его к столу, за которым сидели патриархи, раздраженно шепнула Врону:

– Задавай свои вопросы им, а я от тебя уже устала.

Большинство охотников разбрелись по своим пока непонятным для Врона делам, и зал был полупустым. Ласка поклонилась патриархам и отошла в дальний угол, откуда она могла следить за всем, что происходило, но не могла ничего слышать.

– Садись, – велел носитель меча.

Врон молча сел и улыбнулся, когда перед ним поставили чашку с кашей. Он съел несколько ложек и почувствовал, что больше не хочет. Носитель меча недовольно покачал головой, глядя на то, как он ковыряет ложкой холодные комки каши.

– Мы говорили между собой о тебе, пытаюсь понять, кто ты и чем ты можешь быть нам полезен. И даже кое-что про-

читали в старинных книгах о пожирателе душ...

– Что вы узнали? – спросил Врон.

– Очень мало. Никто из людей не остался в живых после посещения проклятой долины, кроме тебя и Риса, поэтому и рассказать о нем было некому. Прочитали только, что Риса пожиратель душ сделал почти бессмертным...

– Почему почти?

– Потому что его все-таки убили... О способе убийства мало что написано в наших книгах, мы знаем только, что его отравили и что это был заговор благородных. Где находится могила Риса, никто не знает, но мы нашли завещание, в котором он просил, чтобы его похоронили в Проклятой долине.

– В долине есть яма, обложенная камнем, а в ней лежат чьи-то останки, – сказал Врон. – Может, это его?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.